

ВУКЕР ЕЛМЕ ЗОУНУТ

АНДРЕЙ ДЕТКИН

16+

Андрей Деткин
Ожерелье Зоны

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Деткин А.

Ожерелье Зоны / А. Деткин — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Гриф и Алексей - два совершенно разных человека. Что их может объединять? В страшном сне бывалый, прожженный сталкерюга не мог себе представить такого напарничка: слабого, доброго, некудышного, раззявистого, собравшего в себе все качества, с которыми нельзя не то что ходить в зону, рядом с ней появляться. Тем не менее именно этот парнишка стал для Грифа тем огоньком в окружающем мраке, который отогрел, оживил еще что-то не совсем омертвевшее в сталкерской душе, напомнил, что и у него есть сердце.

Содержание

Глава 1. Судьба	6
Глава 2. Менялы	11
Глава 3. «Мясорубка»	13
Глава 4. Капитан Чаушев	15
Глава 5. У «чеховских»	17
Глава 6. Следующий	20
Глава 7. Побег	24
Глава 8. Разговор в буфете	29
Глава 9. Адьюас диас	32
Глава 10. Дорога	38
Глава 11. Мины	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Ожерелье Зоны.

Глава 1. Судьба

Зона – она не меняется. Все такая же унылая, опасная, жестокая и непонятная. Что в ней может нравиться, что притягивать, что за магнит здесь скрыт? Большинство сталкеров стремится урвать себе, выбраться из ее цепких объятий и больше не возвращаться. Забыть, как страшный сон, выкинуть из головы, если, конечно, получится, и не вспоминать. «Что со мной не так? Может, это вирус, болезнь, психическое расстройство, зависимость», – думал Алексей, шагая по зараженной земле.

Он водил взглядом перед собой подобно миноискателю, рассматривая сухую траву, плешины, кочки, палый лист, порой ржавые гильзы и кости. Время от времени запускал взгляд ищейкой далеко вперед по изломам гнилого леса, по буграм и рытвинам, по моткам ржавой проволоки, по рухнувшим опорам ЛЭП, по дымящимся ядовитым гатям. Тралил замшелые развалины мехбазы, скрученные в узел мачты освещения, растрескавшийся, затянутый мхом асфальт, лужи и канавы на подъездной поросшей дороге, высматривал аномалии, и все ему здесь не сказать чтобы нравилось, но притягивало какой-то особой силой. Словно заложенный в нем код саморазрушения совпадал с кодом той заброшенной, зараженной, убивающей территории, по которой он шел.

Между ним и зоной существовала связь, не объяснимая обычным пониманием, inferнальная, мрачная. Алексей ее чувствовал, и связь эта была, как между... как между палачом и приговоренным.

«Это судьба, – подводил Алексей черту, не в силах разъяснить себе этой самоуничижительной тяги. – Такая моя судьба, – и уже не искал никаких вариантов и возможностей изменить положение вещей, попытаться вывести нить из-под лезвий Айсы. – Там, за кордоном у меня ничего и никого нет. Я не знаю, как там жить. Не научили меня. Даже одним глазком не дали посмотреть, как надо, а здесь Гриф».

При упоминании Грифа терзания и поиск своего места в жизни прекращаются. Все становится предельно ясным и однозначным. Размытый горизонтом взгляд возвращается под ноги, и нечеткие очертания облаков, полей, городов, людей сменяются сухой никлой травой, черной землей, рытвинами, мхом...

Алексей еще не привык к мерцаниям, от которых мороз по коже идет. В такие моменты, которые, надо признать, случались редко, всего раза два, от силы три, Гриф словно развоплощался, из человека перетекал в нечто аномальное, неживое.

Гриф объяснял, что его мерцания совсем не то, что у Федорыча. И по тому, как он заглядывал Алексею в глаза, было видно, хочет, чтобы парень ему поверил.

– Пойми, Ява, я в полном порядке. Старик побывал в самой... эпицентре, поэтому стал таким. Меня же он притащил на краешек и всего на минуту, при этом нашпиговал «нужными» артами, как печеную утку яблоками. Они снизили вредные воздействия. И только. От боли меня корежило все равно что фантик над пламенем. Я отключился, а потом еще два дня кололся в лихорадке. Федорыч, он дедан что надо, лечил меня. Отпаивал какой-то горькой хренью. Помню, подходил, поднимал своим трясущимся пальцем мне веко. Заглядывал, что-то хотел там увидеть. Наверное, – ухмылялся сталкер, – убеждался, не полопались ли зенки мои.

Тогда Грифу было не до шуточек. Ему казалось, что лежит в темной палатке, а время от времени кто-то заглядывает и задирает полог. Яркий свет врывается в покойный мрак и причинял невыносимую боль. Казалось, раскаленная игла через глазницу пронзала мозг до затылка.

Гриф выжил и теперь мог кое-что такое, что не могут другие. Он определял аномалии еще до того, как просыпался «виллис». Слепых псов, зомбяков, кровососов и прочую мутатень чувствовал задолго перед тем, как их замечали другие или не замечали.

Более того, ему не надо подзаряжаться, хватало маленького кусочка «обелиска», который он постоянно носит с собой, вшитый в нарукавный карман. Он ни в коем случае не считал себя черным сталкером или сыном зоны. Относил себя к обычным смертным и, как прочие представители своего вида, мог надираться, быть не в духе, мог умереть от болезни или ран.

Дела шли в гору. После нескольких рейдов с Грифом счет Алексея у Гейгера заметно «возмужал» и мог сравниться с ветеранским. И все шло гладенько, на мази, нормуль, чики-пики, пока Гриф не заговорил о бункере. Он никак не мог взять в толк, как так получилось, что в тумбочке, на которой стоял торшер, причем горящая лампа его нисколько не смущала, мог взяться заряженный ТТ. Сталкера не покидало чувство подмены, какого-то фокуса, обмана. Аномалия, черт ее дери, какая-то не такая – избирательная до невероятности. Мало того, что выворачивает карманы, так еще людей изымает из разных мест. Не давала она ему покоя все равно что чесоточный зуд.

Гриф не говорил этого слова, но потом все же проболтался. Дело было в «Передозе». Они вернулись с рейда, как уже стало обычным, с хабаром. Гейгер горящим цепким взглядом перебирал «цацки», хотя при этом старался держать скучное лицо. Стоял вполоборота, с интонациями незаинтересованного ростовщика предлагал цену. Не то чтобы совсем бросовую, но и не высокую. Гриф не торговался, и поэтому Гейгер забирал все.

«Гамофос» мягонько лег на макарошки, пьяный гул, всплески гогота, повсюду раскачивающиеся бревна в камуфляже, заунывные страдания под истерзанные струны гитары, душное тепло, запах каши, армейский уют и в завершение – нудный осенний дождь за окнами надавили на ту клавишу, под которой таилось сокровенное. Гриф впервые изрек то самое слово, и слово это было «ЭКСПЕРЕМЕНТ». Потом были и «опыт», и «испытание», и «кролики», и «подстава», и «пидорасы»...

В тот вечер Гриф заговорил о своих подозрениях, которые мучили его с того памятного дня, когда он очутился в бетонной кишке под землей на глубине десяти метров, под тусклым пыльным плафоном, в компании трех подозрительных типов.

– Все это неспроста, Ява, – вещал Гриф заплетающимся языком, – это яйцеголовые, – тряс он назидательно пальцем, – ставили свои чертовы опыты, а нас, – теперь палец мотылялся между ними, – использовали как кроликов, как лабораторных макак. Понимаешь? И это обидно, Ява. Блин, без разрешения. И бабла даже не дали.

Бутылка дважды качнулась над стаканами, переливая горькую.

– Бункер, это та печка, – Гриф в упор смотрел на парня, – от которой надо плясать. Оттуда все началось и закрутилось, – прозвучало вместо тоста, и «гамофос» благополучно переключался в желудки.

Закончил Гриф свой пьяный бред тем, что не будет ему покоя, пока он не разберется и не рассчитается.

Алексей же думал о другом. Потерял Гриф ниточку, которая его вела. Дочь вылечил, денег предостаточно, болячки затянулись, и все у него в порядке. Скучно ему, стремиться не к чему, вот и выдумывает. Да и бог бы с ним, пусть разбирается, что там не так и кто кого кроликом или еще как сделал, так он его с собой тянет. Не может Алексей отказаться, вот в чем дело.

А у Грифа уже и план готов.

– Понимаешь, Ява, – говорил он доверительно под навесом элеватора, продолжая ранее озвученную и от того уже не крамольную мысль, – ничего сложного там нет. Дорожку мы знаем

и что ждет на ней, тоже. Это в первый раз стремно. Более того, мы с пухами и в снаряге пойдем. На обратном пути артов надыбаем, какая, на фиг, разница, куда за хабаром топать, – сталкер затянулся сигареткой, взглянул на сухой косматый бурьян за поваленным забором, выпустил белесые струи ноздрями, продолжил: – Туман, собака, все карты портит. Такая сволочь, что нет от него защиты и пришибить не знаю как. В каждую щелку влезет... – Гриф рукой показал змейку, в сердцах бросил бычок, придавил каблуком. – Надо нам, Ява, что-то против него придумать.

– Ну... может, обойти, – сказал Алексей первое, что пришло в голову. И рад бы предложить что-то дельное, в кои-то веки Гриф с ним советуется. Ну хоть бы какая-нибудь мыслишка заваливающая пришла.

– Попробовать-то можно, – задумчиво произнес сталкер, будто всерьез рассматривал ценный совет, – только случись что, можем и не убежать. Надо что-то навернякское. Типа транспорта. Такого, чтобы вездеходил и герметичил.

– Как плавающий танк? – Алексей засветился от удачной мысли.

– Можно и танк, только где его взять? – Гриф хитро стрельнул взглядом в сторону парня.

– Атомный! Атомный танк! – воскликнул Алексей.

– А ты, парниша, кумекаешь, – похвалил Гриф, – как эта мысль мне самому в голову не пришла, – и с ходу, без заминки, – только здесь имеется несколько закавык. Первая, насколько я помню, Федорыч говорил, что силовая установка жажнута. Допустим, что ее можно починить, но, чтобы этим заняться, танк надо стащить с аномалии. И вот тут возникает вторая закавыка, как на это посмотрит Федорыч.

– Точно, – Алексей сник, – он ведь от него подзаряжается.

– Правильно, Ява. Атомный старпер нам не позволит. Значит, надо его сдернуть втихую. Быстренько подгоним специалистов...

– Стой, – Алексей ощутил, как у него горят уши, – а как же Федорыч? Он же может того, ну... помереть без танка.

– Мы быстро. Туда и обратно.

– Ты это серьезно? – Алексей в упор посмотрел на сталкера. С минуту они глядели друг на друга.

– Нет, конечно же, – Гриф усмехнулся. – Это была твоя идея насчет танка, вспомни, – и погрузился.

Идея была не то чтобы идиотская, а не совсем удачная. Во всем, что касалось танка, Грифа глодали сомнения. На самом ли деле танк неисправен? А если неисправен, то насколько? Можно ли его починить в полевых условиях? Как долго Федорыч протянет без подзарядки, и потеряет ли танк после ремонта свои уникальные свойства? Был сталкер уверен в одном – на таком транспорте они точно доберутся куда надо, и при этом ничем не рискуя, если не считать старика, конечно.

Чтобы не идти к бункеру, Гриф уже и думать не мог. Мысленно разобрал печально памятные события на «скользкие» моменты и теперь перебирал их, отыскивая зацепки, мусолил, как камешки на четках, отполировал до блеска. И все ему мерещилась чья-то рука.

Глубокую колею с рифленным протектором они заметили за скотомогильником. По отпечатку Гриф сразу определил хозяина следа. БТР проехал на северо-запад, причем не так давно.

Алексей обернулся, нашел взглядом искореженный транспортер, словно убеждался, не чудит ли зона, не прокатила ли свою игрушку невидимой рукой, насмехаясь над ними. Нет, напоминание о ее коварстве ржавело там, где ему и положено быть. Ничего не поменялось с последней встречи, может, только ржавчины стало больше да колеса ушли в землю глубже.

– Никак «чеховские» снабжение наладили, – проговорил Гриф, вглядываясь в жухлую осеннюю даль под мозглявым небом.

– Вроде как в ту сторону след идет, – ответил Алексей и тоже посмотрел вдаль, словно намеревался разглядеть на соломенном поле бронированную букашку. – И не бояться ведь, – Алексей мысленно вернулся к БТРу – крокодилу.

– Думается, дорожка у них там провешена. Да и аномалий здесь не густо.

– А это правда, ну... что какие-то специальные сканеры для техники появились, которые в десятки раз чувствительнее «виллиса»?

– Не в десятки, конечно, но появились.

– Вот бы нам его, – мечтательно протянул парень.

– Горбов не хватит такую дуру таскать.

– Ну... – протянул Алексей, не находя, чем парировать.

– Ну – не ну, давай к лесу чеши, – распорядился Гриф, – и жалом по сторонам води меньше. На ферме чуть медузу не цапанул.

– Где это? – Алексей обернулся.

– Где? Где? В коровнике, вот где. Когда выходили, там под самой балкой над воротинной. Ее на свету не особо видно.

– Вот видишь, не особо.

– Но я-то увидел. И хватит пререкаться, раззява, – начинал хмуриться сталкер.

Алексей развернулся и молча зашагал к «полену» – известному им ориентиру, огрызку ели, торчащему метра на три над землей. То ли ветер, то ли ударная волна сломили толстенное дерево в полтора обхвата. Крона рухнула, подмяная и ломающая чахлый молодняк, а часть ствола осталась, ощерилась щепой. Как-то Алексей приложил к «полену» ухо. Он услышал непонятный далекий гул и как будто перестук колес, словно где-то под землей проходил поезд метрополитена. Гриф не стал проверять слова парня, пожал плечами, сказал:

– Черт его маму знает. Зона, Ява, зона.

Дальше, на северо-восток вдоль опушки леса, через триста метров их ждала «залипуха» – бугристый темно-серый нарост, на вид твердый, с бордовыми прожилками, похожий на опухоль. Из него по ободранному, обмусоленному стволу вытекала и сочилась темно-рыжая слизь. Они так и не пришли к единому мнению, растение это или животное, но сошлись в другом, это, несомненно, паразит. По первости Алексей порывался срубить пораженное дерево, чтобы прекратить его муки, а затем сжечь опухоль. На что Гриф покрутил пальцем у виска и с уязвляющей снисходительностью сказал:

Тогда, жалостливый ты наш, тебе придется завалить весь лес. В нем, если помотришь повнимательнее, нет ни одного здорового дерева. Каждое, – сталкер указал пальцем на ближайšie деревья, – больное той или иной заразой.

Алексей понял идиотизм своего гуманитарного порыва, смирился, и потом каждый раз, проходя мимо, сталкеры только спорили, насколько нарост выше вскарабкался и как скоро доберется до макушки, а если доберется, что будет делать потом?

Алексей шел по прокаженной земле «рабочим шагом» – не медленным, не торопливым, таким, при котором мог разглядеть и почувствовать опасность. Он двигался первым не потому, что был отмычкой, а потому, что еще числился в учениках, достигнув лишь первой ступени «чувствительной мембраны и железного очка». Преисполненный непостижимой мудрости сэйнсэй – Гриф произносил наименование своего учения с многозначительным глубокомыслием, без капли иронии и двоякости, чего требовал и от послушника. Долгое время, при упоминании онога, на лице Алексея невольно возникала улыбка, но под строгим взглядом он сдерживался и смирялся духом.

Гриф был скуп на разъяснения и по большей части практиковал. Любил «раззяву», в которого временами превращался Ява, ткнуть носом и наглядно показать, где «собака» зарыта.

От «крапивки» Гриф отказался, как-то сразу и без сожаления. Говорил, мозги от нее рыхлеют. Тем более с чудесным исцелением поджелудочной, надобность в обезболивающем пропала. Табачок сталкер оставил.

Глава 2. Менялы

– Надо к «чеховским» заглянуть, – сказал Гриф, орудуя открывалкой по крышке консервов.

– С чего это вдруг? – Алексей поднял голову и перестал нарезать хлеб.

– У меня мысля тут насчет бэтера возникла. Надо с ними потолковать.

– Ну... ты это... с Карабасом вроде как бы на ножах. Не думаю, что он простил тебе Тища. И еще... узик ты ихний расколошматил.

– Договоримся. Есть у меня, что предложить на обмен.

– Да? И что же?

– Его жизнь.

– Не понял. Ты хочешь прийти к нему и сказать: бэтар или жизнь?

– Типа того, – Гриф отогнул крышку, похожую на диск циркулярной пилы, поставил банку с маринованным цыпленком на расстеленное на земле полотенце. – Налегай.

Ел Гриф молча, глотал большими кусками, жевал в задумчивости, словно не деликатесы вкушал, а поглощал белки, жиры, углеводы и прочие микроэлементы. Глаза остановились, рассеянный взгляд пасся где-то в поле.

Алексея подмывало спросить: «А можно подробности?», но по опыту знал, если сталкер ворочает мыслью, а все признаки указывали именно на это, лучше его не отвлекать. Выйдет себе дороже.

– Он сидит на наркоте, – вдруг сказал Гриф, глаза его ожили, задвигались. Он мгновение с непониманием смотрел на бутерброд, затем закинул остатки в рот и потянулся к галетам.

Алексей не торопил сталкера, не задавал ненужных вопросов, методично, со вкусом жевал маринованную птицу с гречкой и был терпелив.

– При нашей первой встрече Карабас держал в руках стеклянную трубку. Сначала я в толк не мог взять, на кой она ему. Потом такую же увидел у Шары на полочке. Он мне и разъяснил, что это вовсе не стекляшка какая-нибудь, а кристаллическая трубка из иглы «снежинки». Хочешь спросить, какая здесь связь?

– Ага, – Алексей кивнул.

– Так я тебе, Ява, скажу. Эта самая кристаллическая трубка очищает от примесей «матрешку».

– Чего? Матрешка? – Алексей вытянул лицо.

– Я то же самое спросил у Шары. Он сказал, что после «засоса» нарику кажется, когда моргает, что он уменьшается. Вроде как у матрешки одну за другой фигурку снимают, пока одна малюсенькая не останется. Длится этот эффект секунд десять, пятнадцать. Торчок за это время съеживается, стремится как бы соответствовать новым впечатлениям. Идиоты, – Гриф не сдержал ухмылки, – это ж надо, мутантскую дурь пользоваться, – не спеша принялся накрывать галету толстым слоем печеночного фарша. – Матрешка недавно появилась. Ее синтезировали здесь, в зоне. Шара говорит, китаезы нахимичили для приручения крупных мутантов типа псевдогигантов. Усекаешь, рядовой, на каком крючке, да что крючке, кукане сидит наш бородатый друг.

– Да уж.

– Когда я Карабаса видел, выглядел он довольно-таки бодренько. Возможно, подсел недавно. Да и академики, наверняка, поддерживают его в тонусе. Рожу волосней залепил, вот только глаза... Такие, как две пиявки. Воспаленные, бешеные какие-то, словно высосать тебя хочет.

– И что с того, что подсел?

– Все они хотят завязать. Рано или поздно каждого навещает мысль: жить или умереть. Только не у каждого хватает сил отделаться от этого дерьма. Вот если бы сразу и без ломок, и еще забыть насовсем, – это тема. И ее надо прокачать Карабасу.

– Зачем это нам ему качать? – не понял Алексей. – Может, ему в кайф и все такое.

Гриф долго смотрел на парня:

– Дело в том, Ява, хрень эта для псевдогигантов, понимаешь, а не для человечка. Сила у нее разрушительная. Что мне Шара говорил, я в половину не поверил, но даже то, что звучало реалистично, офигеть, как жутко. За то время, что я не видел Карабаса, а это чуть больше двух месяцев, он уже должен начать разлагаться. Так что мы ему «сверчка» – он нам бэтар. Не насовсем, конечно, напрокат.

– Объясни, какого «сверчка»?

– Как утверждает Шара, «сверчок» – весьма нестабильный и редкий арт. Сохраняет свойства в течение суток, двух. Он привязан к месту и вянет, как сорванный цветок.

– А чего ж Карабас сам за ним не сгоняет?

– Ну, – начал Гриф с растяжкой, – во-первых, он не сталкер, во-вторых, опять же, он не сталкер. Усекаешь, рядовой? Он не может. Он наемник, охранник, пес цепной. Его и сюда-то на тачанке привезли. По легкотне, может, пройдет где-то, и все. А сверчка поискать надо, не за забором, поди, растет. И вообще, Карабас, может, вовсе не знает о сверчке.

– А нанять, – не унимался Алексей, – за тугри сталкера, чтобы ну... он нашел ему?

– Редкий, тебе говорю. Мы вот найдем, он поверит, что найдем, а другие вряд ли.

– Послушать тебя, – Алексей усмехнулся, – мы его ангелы-хранители, блин.

– Типа того, – Гриф усмехнулся в ответ, затем замолчал на некоторое время, задумался, не заметил, как прохрустел галетой, заговорил вновь.

– Это мы с Федорычем обсудим. Он придумает, как сверчка законсервировать. Надо только Карабаса убедить, что принесем. А, Ява? Как убеждать будем?

Алексей пожал плечами:

– Ну... может, найти этот арт и принести.

– Точно, так и сделаем.

Они замолчали. Алексей сидел и ломал голову, Гриф прикалывается насчет «принести» или серьезно. Но спросил уже о другом, о чем с самого начала разговора должен бы поинтересоваться:

– А зачем нам бэтар?

– До бункера доехать, голова твоя садовая.

«Он все об этом», – мысленно простонал Алексей, а вслух спросил: – А проедет? Ну... там такие колдобины. В лесу как на нем?

– Не бздехай, проедем. Лес стороной обкатим. Это тогда мы напрямки от тумана драпали, а на транспорте есть место для маневра.

– Так куда сейчас идем? – запутался Алексей.

– На «Салют». Договоримся о транспорте, потом к Федорычу. Он в округе все облазил, может, подскажет, где сверчка искать.

Глава 3. «Мясорубка»

Оно крутилось по часовой стрелке. Не замедляя, не ускоряя темп, именно так, как крутилось месяц тому назад, когда они с Грифом в последний раз ходили к Федорычу. Ржавое колесо, с несколькими выломанными спицами, с драной потрескавшейся крышкой, перевернутого вверх тормашками велосипеда типа «Ласточки» или «Суры» вертелось и поскрипывало. Поскрипывало нудно, тонко, словно стонет.

Качели на детской площадке, которую давным-давно, кажется, уже не в этой жизни, где-то в Яваршино смастерил Бобо для своих мальчишек, скрипели так же. Бобо вовремя спохватился и увез семейство куда-то на Урал к родственникам. Кажется, в Дегтярск.

Дом их разграбили, тогда дома уже не продавались, их попросту бросали и уносили ноги подобру-поздорову. Все мало-мальски ценное местные выломали и утащили. Качели не тронули.

В ветреную погоду они покачивались и вот, как это колесо, нудно так, тихонько ныли. Алексею казалось, скребли тонкой иглой по медному листу где-то у него за грудиной. Стоило слышать этот скрип, как внутри просыпалась и начинала ворочаться беспокойная тоска. Казалось, жизнь прошла мимо, а он остался на обочине далеко позади и не может найти ни сил, ни желания догонять поезд.

То, что творилось в Яваршино в те жуткие пьяные годы, качели эти самые и олицетворяли в полной мере. Все, кто еще оставались в умирающей деревне, быльем порастали, пьяными зенками смотрели на этот кошмар, подливали в стаканы и ныли друг другу, как здесь раньше хорошо было. Вспоминали трактора на улицах да стада на полях.

Алексей сломал качели. Вышел как-то в ветреную погоду, выдернул топор из колоды и разнес сначала сиденье, а потом и столб. Гнилой, растрескавшийся, он долго не сопротивлялся. После нескольких ударов хрустнул, подломился. Второй под тяжестью сам пошел на покой.

Сотворить подобное и заткнуть колесо Алексей не решался. Ведь что-то его крутило. Не ровен час, сам мог оказаться на его месте.

Они миновали мехбазу, удалились метров на двести, а Алексей все слышал нудный, печальный, безнадежный скрип.

– Стой, – негромкий, но в то же время твердый окрик заставил Алексея испугаться и замереть. Он стоял на месте и только вращал глазами яблоками. Волосы на голове с правой стороны зашевелились, словно приблизился к кинескопу включенного телевизора. Почувствовался неприятный ветерок. Шеи и уха коснулся холод. «Вот черт», – обмер Алексей.

– Где твои глаза, раззява? – зло процедил Гриф. – Стой, не шевелись.

– Где она? Далеко? – спросил Алексей, стараясь не выдать голосом страха.

– Справа в метре.

– Блин, – простонал Алексей.

– Шевельнешься, Ява, и тебе пипец, – Гриф тоже старался быть спокойным, и у него это получалось куда лучше. Голос звучал твердо, немного развязно, так говорят хирурги во время операции, подбадривая больного за шторкой.

– Тебя надо чем-то сдернуть. Ты слишком близко. В любой момент она может проснуться. Шага не успеешь сделать, полетят тогда твои клочки по закоулочкам. Это я тебе говорю к тому, чтобы понял всю серьезность положения.

– Да понял я, – взвизгнул Алексей, – делай уже что-нибудь. Она подбирается.

Холодок просочился под куртку, морозил уже лопатку и плечо.

Гриф осмотрелся, кинул несколько гаек по сторонам, отступил на три шага, снял с плеча абакан, положил на землю, стал стягивать вещмешок.

– Больно как... – простонал Алексей, приседая на подламывающуюся ногу. Бедренная кость ныла и как будто распиралась изнутри.

Гриф бросил рюкзак и осторожно стал приближаться к Алексею. Лицо его было сосредоточенным, черты заострились, глаза стреляли по сторонам. Небольшое завихрение справа от парня разрасталось, но теперь, когда он приближался, «мясорубка» как будто успокаивалась. Сталкер сделал еще один осторожный шаг, его наблюдение подтвердилось. Алексей выпрямил правую ногу:

– Сейчас лучше. Ты что делаешь? Подходишь? А, Гриф? Чего молчишь?

– Да. Заткнись ты.

Гриф облизал сухие губы. Он уже и сам ощущал воздействие аномалии. Руки покрылись гусиной кожей, сердце гулко, с отдачей заколотило в груди. «Спокойствие. Только спокойствие», – вспомнилась фраза персонажа с пропеллером.

Протягивал руку сталкер медленно, плавно, не сводя взгляда с маленького смерча, вьющегося у ног парня. Гриф старался не думать, что произойдет, если вдруг аномалия встрепнется. «Мясорубка» убьет их не потому, что она голодна или защищает потомство, а лишь потому, что она «мясорубка».

Подрагивающими пальцами Гриф нащупал теплую ладонь, обхватил ее, сжал. Алексей вцепился в его руку птичьей лапкой, остро и слабо. Гриф рванул на себя и быстро попятился, волоча за собой парня, не заботясь о его вывихах и синяках. Ему и надо было, чтобы тот упал. В следующее мгновение аномалия сбросила оцепенение, смяла пространство, где мгновение назад находился Алексей, и с хлопком разорвала воздух.

Они курили в сторонке молча. Алексей время от времени поворачивал голову и смотрел на место своей предполагаемой гибели. Сигарета в руке тряслась, обсуждать случившееся он был не в состоянии. Гриф это понимал и не заговаривал. Он решил отсрочить взбучку и думал о другом, почему аномалия при его приближении меняла активность.

Еще он клял себя, что упустил Яву. «Как просмотрел, не почувал «мясорубку»? Как? Ветеран тудыть тебя растудыть». Конечно, и парню досталось, но уже с меньшей яростью: «Где вся выучка, осторожность, наблюдательность? О чем он думал, раззява?».

Гриф посмотрел на дымящийся кончик сигареты в руке. Тлеющий уголек мелко подрагивал.

Глава 4. Капитан Чаушев

Капитан Чаушев сидел за столом в своем кабинете на первом этаже институтской многоэтажки, глядел на хмурый день сквозь ржавую решетку на окне, рассеянно вертел в пальцах пачку «Мальборо» и размышлял. Начальник кафедры по роботизированным инновациям полковник Таиров навестил его сегодня собственной персоной. Стул с другой стороны стола еще хранил тепло начальствующего седалища.

На первый взгляд, полковник просил как бы не о многом – по своим каналам зафрахтовать вертолет, который бы доставил неких специалистов в квадрат «38», а после того, как они кое-что там возьмут, вернуть обратно. И всего-то. Плевое дело, на первый взгляд, если не брать в расчет координаты этого самого квадрата.

Таиров закинул смачную наживку – обещал посодействовать в переводе в Московский округ. У него «там» (глаза закатываются к потолку) связи вроде бы имеются. И Чаушев теперь ломал голову, заглатывать ее или нет. Наживка была очень вкусной. Капитан спал и видел, как свалит из этого богом забытого учреждения, воздвигнутого среди болот и лесов, у черта в заднице. Где по ночам из-за кордона доносятся жуткие завывания, будит перестук крупнокалиберных пулеметов, а от излучения непонятной природы ломит в висках. Где он не расстается с дозиметром и каждый вечер в институтской общаге, сидя на армейском табурете в неуютной казенной комнате, пропахшей жареной картошкой и гуталином, считает микрорентгены, полученные за день, и прислушивается к организму, словно хочет ощутить их шевеление внутри себя.

А в Алабино под Москвой у него жена и сын. Он даже не догадывался о своей безграничной любви к ним, пока не оказался здесь. Чаушев уже давно раскаялся и искусал локти, проклиная тот день, когда согласился ради карьерного роста на кратковременную командировку. Год перерос в два, и вот уже третий он ждет сменщика. Видно, таких редкостных идиотов, как он, еще поискать надо. И тут такой случай. «А Таиров, пожалуй, может устроить перевод. Пожалуй, может», – обсасывал Чаушев наживку, не заметив, как засунул ее в рот.

Капитан более-менее понимал, зачем начкафу несанкционированный полет. «Хочет полковник что-то эдакое из зоны притащить. После чего последует повышение и перевод, – не мог капитан представить, что нормальный человек по доброй воле будет желать оставаться в этой клоаке. – Это понятно. Непонятно другое – откуда старый хрен знает о моих связях? Как пить дать, гребаный Шарапкин трепанул. Больше некому, – размышлял Чаушев. – Болтливый сукин сын и бухнуть мастак. Плевать, что сговорчивый и неприхотливый, переведу на шестое УТК, пусть там спивается и гнус кормит. Гнать, гнать к чертовой матери. И вообще, надо завязывать с контрабандой. Деньги деньгами, а свобода все же милее, – еще некоторое время Чаушев размышлял, вертел так, эдак и пришел к выводу: – В общем-то, деваться мне некуда. Надо звонить Боряне. Ох и сдерет же этот жлобина с меня тугриков. А что делать?».

Чаушев кое о чем вспомнил, встрепенулся, сунул руку в ящик стола, нажал кнопку, отключил запись. Он сразу смекнул, Таиров пришел не так просто. Во время разговора он выдвинул ящик, полез за сигаретами. Отработанным незаметным движением включил диктофон, который среди карандашей, ластика и тетрадей дожидался своего часа. Услужливо Чаушев предложил начальнику кафедры «Мальборо», хотя знал, что тот не курит. Таиров отказался. Из вежливости капитан не стал задымлять ему воздух и отложил пачку.

Весь разговор с полковником теперь хранился не только в его памяти, но и в электронной. Капитан повертел перед глазами записывающее устройство, собрался закрыть в сейф, но передумал. Убрал во внутренний карман куртки, откинулся на спинку стула и снова вперился в зарешеченное окно.

В общем, с так называемой просьбой все было понятно, понятно с местом назначения, оставалось неясным, зачем Таирову туда отправлять обученных людей. «За какой такой надобностью? Чем она так ценна, что полковник готов рисковать жизнями специалистов и своей устойчивостью. При неблагоприятном развитии событий с него спросят, и спросят строго. Зачем ему это? Если только куш того стоит. Куш. Куш, – разгонял капитан мысль. – Им может быть либо ценная документация, либо образцы. Таиров – жук тот еще. Надо больше узнать по координатам. Это ж куда он задумал лезть. Согласится ли Боряня вертуху туда отправлять? Сколько бабла попросит, мама дорогая».

Чаушев потянулся через стол, снял с телефона увесистую трубку, пальцем ткнул в отверстие, завертел диск.

Глава 5. У «чеховских»

Они кругом обошли «нехорошее» место и до научной базы добрались без приключений. У ворот на вышке их встретил незнакомый тип с калашниковым через плечо, в кепи пустынного камуфляжа и в непонятной спортивной куртке.

– Эй, дядя! – Гриф остановился у ворот, поднял голову и громко сказал часовому: – Мы к Карабасу! По делу!

– Заходи! – сказал тот и нажал на кнопку. Раздался щелчок. Сталкер взялся за рукоятку замка, подумал, как это так, часовой принимает самостоятельно решение, кого впускать? Или их уже рассмотрели и ждали? Озадаченный Гриф отворил калитку, шагнул на территорию базы. Тот, кто стоял с той стороны, дернул створу на себя, распахивая шире, другой с размаха ударил прикладом сталкеру в голову. Раздались громкие гавкающие голоса. Они одновременно приказывали упасть мордой в грязь, встать на колени, руки за голову, бросить оружие. Слаженности в требованиях не наблюдалось, да оно, впрочем, и необязательно. Главное, оглушить, сбить с толку, подавить волю к сопротивлению.

Гриф был не из пугливых. Он увернулся от приклада, сдернул с плеча абакан... А вот воспользоваться им уже не успел. На него навалились, больно придавили, запахло карболкой и ватником. Сверху раздались выстрелы, снова крики: «Оружие на землю, мордой в грязь...» Кто-то наступил Грифу на голень, из рук дернули автомат.

Их повязали быстро и грубо. Гриф предполагал такой ход событий, но виделось это немного по-другому. Их запустят, закроют калитку, потом возьмут под прицел. Без шума и мордобоя разоружат, возможно, немного поизмываются за старые обиды, затем перейдут к делу.

Но сталкера заботило не то, с какими почестями их встретили, а то, что все эти бравые ребята были незнакомцами. Одеты кто в лес, кто по дрова. Какие-то разномастные комбезы, куртки, боты. Один ходил в феске, другой натянул на голову капюшон, а края заправил за уши и напоминал чебурашку, третий вообще в кепке. Рожи небритые, пропитые. Все расхлестанные. Оружие потасканное, калаша да обрезы. Словно банда Махно. Насчитал Гриф восьмерых, возможно, где-то есть еще. Он уже сомневался, что главарем этой шоблы окажется Карабас. БТР стоял возле основного корпуса «мордой» к воротам.

Со сталкеров сняли разгрузки, обчистили карманы, вытащили ремни, шнурки и повели гулким железным коридором. Алексея быстро втокнули в боковую дверь. Тот даже пискнуть не успел. Его возмущенный голос донесся уже из-за закрытой двери.

– Куда вы его? – Гриф обернулся.

– Шагай, – коренастый конвоир в черной «энцефалитке» ткнул кулаком в спину. Сталкера привели в дежурку. Помещение претерпело некоторые изменения. Топчана не было. На его месте стояла пирамида из снарядных ящиков. Дальний правый угол занимал зашарканный холодильник, рядом по стене выстроились круглые емкости литров на сорок с завинчивающимися крышками. Посреди комнаты торчал, словно дыба, стул, явно приготовленный для допроса. Пахло казармой.

Слева из неаккуратно прорезанного в стене проема, распахнув железную дверь, вышел улыбающийся пижон. Он был лет тридцати восьми – сорока двух, высокий, длинные темные волосы зализаны назад, отчего его мордочка с тонкими усиками над искривленным в усмешке ртом с бледными губами, вкупе с черными глазками под бесцветными бровями, походила на крысиную. Форма непонятного бирюзово-серого цвета, как бы это сказать, облегалась, что ли, если такое вообще можно сказать о военном обмундировании, худощавую фигуру. Казалось, ее шили специально на заказ для какой-то космооперы и этот «имперский офицер» не успел

разоблачиться. А когда тот заговорил захлебывающимся фальцетом, сглатывая паузу и склеивая слова в тягучие сопли, сталкер и вовсе не знал, что думать.

– Кто-это-у-нас-здесь-такой-нежданчик-а-а-а-а? Кто-такой-говори-не-стесняйся-я-я, – тянул он нараспев. – Не-обидим-родной-если-сознаешься. Качака-приземли-мясо.

Сопровождающий боров грубо опустил Грифа на стул. Сталкер брякнулся задом так, что ножки взвизгнули по железному полу. Пижон присел на столешницу, скрестил на груди руки.

– Мясо-я-долго-буду-ждать? Качака-взбодри.

За тягучим песнопением, напоминающим соло церковного служки, последовал увесистый удар в живот. Здоровяк не попал в солнечное сплетение, но мышцы пресса получили чувствительную встряску. Гриф крякнул и согнулся. Ножки стула снова скрипнули.

– Ух ты, – выдохнул Гриф, распрямляясь, – как у вас тут все серьезно.

– Ага-серьезней-некуда. Так-я-слушаю-кто-откуда-и-зачем?

– Мимо проходил, – покладисто начал сталкер, – думаю, дай загляну к Карабасу, покалякаем, водки попьем, бывшее вспомним. Где, кстати, он?

– Скоро-повидаетесь-дай-то-бог-чтобы-он-тебя-узнал. Не-ответил-откуда-прешь-парниша?

– Из «Депо», – поспешил ответить Гриф, перехватив взгляд крысиных глазок на Качаку, – это за крестом...

– Да-знаю-я-не-надо-держат-нас-за-идиотов-Качака-накажи.

На этот раз удар пришелся в правую скулу. От кулака голова откинулась назад, за ней пошло все тело, и сталкер рухнул на пол вместе со стулом. От металлического дребезга пижон поморщился.

– Я-тебя-предупреждал-мясо, – засмеялся он, захлебываясь. – Качака-подними-чучело.

Бугай сжал предплечье Грифа, словно тисками, и рывком поднял на ноги. Не отпуская руки, поднял стул.

– Садись-мясо, – распорядился пижон. Дождался, пока сталкер окажется на стуле, продолжил: – Я-тебя-еще-раз-спрашиваю-мясо-чего-тут-делаешь?

– Так я и говорю, к Карабасу...

– Не-ссы-мне-в-уши-этот-нарик-не-пьет-совсем-не-пьет. Качака-а-а, – пижон скучно посмотрел на бича, мол, ну, что с ними делать. На этот раз удар был куда сильнее. Кулак размером с гирию впечатался сталкеру в солнечное сплетение, а другой, когда Гриф загнулся, снизу в челюсть. От него-то в глазах и потемнело, поплыли круги, рот наполнился кровью, ощутился медный привкус. Сталкер сплюнул костяные осколки вперемешку с кровавой слюной. Языком ощупал зубы. Верхний правый резец оказался непривычно малым и с острыми краями.

– Вали-мясо-к-своему-Карабасу-асу-басу-тоже-мясу-ты-ведь-к-нему-чапал-чопал-пупол-пипол, – запел крысиная мордочка, обошел стол в легкой подтанцовке, сел в кресло. – Качака-убери-это-и-тащи-второго.

За воротник верзила поднял сталкера и, удерживая перед собой на вытянутой руке, вывел из дежурки. Гриф косился по сторонам. От былой стерильности не осталось и следа. К полу прилепились раздавленные лепешки грязи, в углах валялись бычки, около двери с надписью «Трансформаторная» пылилась канистра, светящаяся коробочка над дверью в операционную «Не входите, идет операция» была подплавлена и почернела. Пахло табачным дымом, застоялым потом и каким-то варевом.

Низкорослый шкет в великоватой кожаной куртке, из-под которой выглядывал штык-нож, с «гадкой» на груди, стоял, привалившись плечом к косяку возле карцера, и тянул сигарету.

– Открывай, Малой, – буркнул Качака, придерживая Грифа у двери. Малой сунул сигарету в зубы, вальяжно оттолкнулся плечом от косяка, отодвинул засов, которого, кстати, раньше не было, и открыл дверь. Качака втолкнул сталкера в сумрачную комнату с тусклой

лампочкой под зарешеченным плафоном. Дверь с лязгом захлопнулась. От гнилостного душка витающего в кутузке Гриф поморщился. Он осмотрелся, к своему разочарованию, Алексея не увидел, впрочем, как и Карабаса, только откидной топчан.

Гриф прошелся по комнате два на три метра. Берцы без шнурков непривычно свободно сидели на ногах, тактические брюки без ремня норовили сползти на бедра. Сталкер сел на топчан, цепи натянулись, скрипнули петли. Он открыл рот и покачал пальцем передние зубы. Вроде держались крепко. Губа вспухла, острые обломки царапали язык, а правый глаз замечал в непосредственной близости наливающуюся гематому.

– Тварь, – процедил Гриф сквозь дыру в зубах. Посмотрел на железное дверное полотно без намека на рукоятку: «Замуровали, демоны», – промелькнула в голове безрадостная мысль. Ничего не оставалось делать, как ждать. Сталкер лег на топчан, закрыл глаза и, прежде чем предпринять мозговой штурм проблемы, расслабился, выкинул из головы все мысли, сделал несколько глубоких вдохов-выдохов. Боль поутихла, в голове воцарилась спокойная темнота, в ушах звенело, сталкер старался этого не замечать, как и дурного запаха тоже. Вместе с ленивой расслабленностью пришло тепло. Только вот странно, снизошло не на все тело негой, как случалось обычно, а тянулось откуда-то справа. Гриф даже открыл глаза и посмотрел в ту сторону, выискивая встроенный калорифер. Ничего подобного он не обнаружил. Заинтересованный, сталкер встал, подошел к двери. Стало теплее. Но теперь, кроме тепла, он почувствовал еще и легкую вибрацию, словно от громкого барабана или басов мощных колонок, только звука при этом слышно не было. «Непонятно», – подумал Гриф, потрогал полотно ладонью. Дверь была холодной.

Глава 6. Следующий

Алексей сидел в операционной на стуле, его руки за спиной сковывали наручники. Вокруг суетились знакомые «академики». Тот, что выше и с залысиной, кажется, Анатолий, светил фонариком то в левый, то в правый глаз и что-то там высматривал. Очкарик, его имя Алексей не мог вспомнить, стоял у стены к ним спиной и звякал на медицинском столике. Потом он подкатил столик к Алексею, попросил конвоира освободить пленнику руки. Перепуганный Алексей запротестовал:

– Какого черта? Я вам не дамся...

– Все ты дашься, – прорычал скуластый охранник. – Только рыпнись, сучонок, харю сразу начищу. Поворачивайся давай.

С обреченным видом Алексей повернулся. Когда охранник снял наручники, он самостоятельно расстегнул пуговицу на куртке и закатал рукав. Со словами: «Мы только кровь возьмем на анализ», – академик, надо признать, умело проткнул вену и набрал три пятикубиковых шприца, после чего залепил ранку пластырем.

От резкого скрипа металла о металл где-то в недрах базы Алексей вздрогнул и обернулся на дверь.

– Что там... Анатолий? – спросил он у исследователя. Тот повернулся, несколько секунд не сводил с парня глаз, потом пробурчал: – Надо же, помнит.

– Да, я вас помню, скажите, где Гриф, что с...

Он не договорил, послышался снова скрип, а затем грохот.

– Разговорчики, – подал голос конвоир.

Анатолий ничего не ответил Алексею, а охраннику сказал:

– Можете уводить.

– Куда? Куда меня уводить? – испугался Алексей. Анатолий поджал губы и поспешил отвернуться. Наступил на педаль, открыл крышку мусорного ведра и стал стягивать латексные перчатки.

– Не бойсь, – пробурчал скуластый, затягивая на тощих запястьях наручники. – Жить будешь.

– Постойте, что с нами будет? – заупрямился Алексей.

– Да пошли уже, – охранник схватил парня за предплечье и поволок к выходу. Алексей потерял равновесие, опрокинулся, сгреб со стола инструмент, медикаменты и под перезвон хирургической стали повалился на пол.

– Дерьма кусок, – скрежетал скуластый, поднимая Алексея за воротник.

– Вы же сами меня... – хрипел сталкер. Воротник больно сдавливал горло и душил. Алексей стал извиваться в попытке подтянуть под себя ноги и встать. Через минуту с пунцовым лицом, растрепанный, с вывалившимися язычками берца, он брел по железному коридору в сторону дежурки. Ему навстречу быстрым шагом двигался пожилой мужчина с редкими седыми волосами вокруг плешины на макушке, с высоким морщинистым лбом, узколицый, с глубоко посаженными глазами. Из-под расстегнутого белого халата виднелись зеленая военная рубашка времен СССР и брюки с лампасами.

Он говорил на ходу, не поворачивая головы. За ним попевал сталкер в америкосовской армейке с СВДэшкой за плечом. Он развернул голову к седому и старался не упустить ни слова. Временами переходил на легкую трусцу, держал короткую дистанцию, их плечи едва не соприкасались.

Парочка свернула в коридор направо и скрылась за углом.

– Стоять, сопля, – послышалось сзади. Алексей остановился возле зеленой двери с засовом, судя по сварному шву и обожженной краске, приваренному недавно.

– Открывай, Малой, пускай этот здесь ждет.

– Чего ждет? – коротышка лязгнул засовом.

– Качака сказал, заберет его, че-то не пришел. Не в коридоре же с ним стоять. Запри пока.

– Качака ушел курить, – Малой открыл дверь. Скуластый снял наручники, толкнул Алексея в спину, – топай.

Алексей с опаской вошел в карцер. Сразу увидел Грифа, тот сидел на топчане и смотрел на них. Позади хлопнула дверь, лязгнул засов. Алексей улыбнулся, но тут же посерьезнел, подозревая, что любой оптимизм при нынешних обстоятельствах неуместен.

– За что они тебя? – он подошел к сталкеру, продолжая рассматривать лиловый синяк под глазом, вспухшую верхнюю губу, угрюмый лик в целом.

– Ни за что, – буркнул Гриф. В его произношении слышался присвист. – Тебя еще не допрашивали? – говорить с прореженным «частоколом» было непривычно. Язык цеплялся за острые края, к тому же припухшая губа потеряла в гибкости и саднила. В свою очередь, сталкер ощупывал взглядом лицо парня и отмечал лишь бледность и испуг.

– Нет. Я у медиков, ну... в операционной сидел, там, где это... шелкуна переделывали. Они кровь брали из вены. Я хотел у них разузнать...

– Тихо, – перебил его Гриф, – значит, скоро поведут. Говори, что шли за хабаром в «голодные земли». Зашли по пути к Карабасу. Скажи, что он наш кореш, еще скажи...

Заскрежетал засов.

– Спрячь, – порывисто выдохнул Алексей, быстро наклонился, вытащил что-то из-за голенища и сунул сталкеру в руки. Дверь распахнулась, в проеме возник верзила – Качака. Он костерил Малого:

– ...идиоты. Где этот мудака? Табло ему раскрошу. Я же сказал, чтобы ждал, тупица, у костоправов. На выход, мясо, – Качака обращался уже к Алексею. Парень посмотрел на Грифа, тот едва кивнул и многозначительно моргнул целым глазом, мол, не дрейфь, все пучком. Он успел придавить бедром что-то прохладное и твердое, явно металлическое, и теперь ощущал, как это что-то острыми краями прокололо хэбэшку и больно впилося в кожу.

Дверь за Алексеем закрылась. Гриф подождал еще некоторое время, затем достал из-под ноги передачу. Это был пинцет с загнутыми острыми кончиками. Гриф быстро осмотрел комнату, выискивая, где бы его спрятать. При себе оставлять было нельзя. Он встал с топчана, приподнял его и в образовавшуюся щель между стеной и боковиной сунул хирургический инструмент, рассчитывая придавить его. Пинцет выскользнул из пальцев и упал в щель.

– Черт, – зло процедил Гриф. Быстро опустился на колени, при этом отметил, что не услышал лязга металла о металл. Заглянул под топчан. Здесь уже не пахло, а воняло тем неприятным запахом, который ассоциировался с болезнью и заразой. Его взгляд уперся в кучу тряпья. Она валялась у стены, поэтому он не увидел ее сразу. Пинцет поблескивал сверху вонючего вороха. Гриф потянулся за ним. Барахло зашевелилось. Сталкер схватил пинцет и отпрыгнул. От неожиданности и испуга глаза его лезли на лоб.

Куча постепенно развернулась, выпрямилась, перекатилась. Из полумрака и тряпок глянули блестящие влажные глаза.

– А-а, – выдохнул Гриф и выставил перед собой руку с зажатым в ней пинцетом.

Куча замерла, лишь глаза поблескивали в темноте, разглядывая сталкера. Затем донеслось хрипло, словно говорил умирающий чахоточник:

– Гриф. Ты-то что... тут делаешь?

Куча поползла на свет и когда выбралась, сталкер различил в вонючих складках грязной засаленной армейки маленького высохшего человека.

Только по черной свалывшейся, лезущей, как у линялого пса шкура, бороде он опознал Карабаса. Цвет его лица был землистого оттенка. Кожа шелушилась. На левой скуле был вырван клочок бороды. Но, приглядевшись, сталкер понял, что волосы никто не драл, они

исчезли вместе с частью щеки. С неровными краями дыра растянулась кляксой от подбородка к глазу. Через нее виднелись бледно-розовые десны цвета дохлой крысы, неделю пролежавшей в луже. Желтые зубы поблескивали влагой. Зрачки – черные нефриты – превратились в булабочные головки. Белки с голубовато-зеленым оттенком, как несвежее очищенное куриное яйцо, пронизывала сеть сосудов темно-синего, почти черного цвета.

Наемник еще несколько секунд демонстрировал себя, затем болезненно зажмурился, весь сморщился и снова забрался под топчан. Гриф не сводил с него глаз и все пытался соединить это нечто с тем, кого знал раньше, – бородатым, крепким мужиком, уверенным в себе, надменным, властным. «Матерь божья, что они с ним сделали? Это ждет и меня?» – носились в голове сталкера мрачные мысли, как ночные фурии. Хотя он и выслушал с должным вниманием Шару и более-менее представлял, что творит с человеком матрешка, увиденное поразило его до мурашек. Он поверить не мог, что это самоуничтожение – последствия пагубного пристрастия, что человек – существо разумное, может довести себя до такого состояния. Звери милосерднее к жертве, чем человек к самому себе. Нет, это долбаные академики. Это их рук дело. Кончились щелкуны, теперь за людей взялись. Эти мысли были более понятны сталкеру, чем мазохизм в самой что ни на есть извращенной форме.

– Хе-хе-х, – то ли смешок, то ли кашель донесся из сумрака под топчаном, – не знаешь? Я это... Карабас. Кхе-хе.

– Что они с тобой сделали? – спросил Гриф, оправляясь от шока.

– Не они... я. Я сам, – долгое молчание, – матрешка.

Гриф понимающе покивал: «Ему уже никакой «сверчок» не поможет». Вслух спросил:

– Что здесь случилось? Где твои парни?

– Всех побили. Пистон, вроде, остался. Его со мной держали... пару дней, потом увели.

Карабас снова замолчал. Гриф его не торопил, понимал, что в таком состоянии трудно вато открывать рот. Прошло минуты три, прежде чем Карабас накопил силы.

– Старик тоже здесь... был.

– Какой?

– На мох похожий.

– Федорыч? – Гриф подобрался, и без того познавательная беседа вмиг стала невероятно информативной. Он даже перестал замечать вонь.

Карабас перевернулся на спину и закрыл глаза. Молчание затягивалось.

– Эй, Карабас, – позвал сталкер, несколько секунд ждал ответа, потом позвал снова: – Карабас, ты уснул?

– Чего?

– Где этот старик сейчас? Что с ним?

– Никто не знает.

– Как никто?

– Его держали в кутузке, а потом исчез.

– Сбежал? – Гриф придвинулся к наемнику, чтобы не упустить ни слова. Долгая пауза. Сталкер уже было хотел заговорить, как Карабас произнес:

– Растворился, – повернулся к стене, поджал ноги к груди, обхватил их руками и снова превратился в смердящую кучу тряпья. Гриф даже в какой-то момент подумал, не померещился ли ему наемник. На самом ли деле разговаривал с ним, не пустили ли чертовы академики газ. Сталкер перевел осторожный взгляд на топчан, не исключая варианта увидеть себя на нем. Потертый коричневый дерматин блестел гладкой растрескавшейся поверхностью, отбрасывал мутный блик от лампы и всего. Сталкер снова заглянул вниз. Куча тряпья оставалась неподвижной. Чтобы убедиться, он протянул руку и тронул наемника. Пока армейская куртка сминалась под пальцами, Гриф все еще сомневался в существовании Карабаса. Наконец он кос-

нулся чего-то твердого, худого, словно палка. Сталкер сморщился, убрал руку, обтер о брюки и зашагал по карцеру.

Тайник он сделал на Карабасе. Преодолевая отвращение, сунул пинцет ему в карман и закрыл клапан. Наемник даже не пошевелился. После чего Гриф расхаживал по камере, морщил лоб, о чем-то усиленно думал и каждый раз, когда приближался к двери, ощущал тепло. В какой-то момент он остановился под зарешеченным плафоном и долго его рассматривал.

Металлический лязг заставил сталкера встрепенуться, повернуться к двери и принять непринужденный вид. Вошел Алексей. Дверь за ним захлопнулась с грохотом.

– Тише вы, – послышался сдавленный стон. Алексей завертел головой, обыскивая взглядом помещение.

– Это Карабас, он под лежаком, – взглядом Гриф указал на топчан.

– Карабас? – глаза Алексея расширились.

– Да, – Гриф не преминул воспользоваться пробуждением наемника, опустился на колени, заглянул в вонючий сумрак. – Карабас, ты можешь с нами поговорить?

– О чем? – послышался шелестящий шепот.

– Что здесь произошло?

– Седых пришел со ... своими агалами.

– А земляки, рыкстеры?

– Они...

Повисла тяжелая тишина. Из-за двери слышались приглушенные голоса, звук кованых каблучков по железному полу, гул генераторных установок, где-то стучали по металлу.

– Эй, Карабас? – нарушил молчание Гриф. – Слышишь меня?

– Что с ним? – спустя несколько минут спросил Алексей, отчаявшись дождаться ответа.

– Матрешка забрала, – ответил Гриф, поднимаясь с коленей. – Ты мне, Ява, вот что скажи: о чем с пижоном беседовал?

– С пижоном? – Алексей сдвинул брови, а потом догадался. – А, с этим. Его Качака называл Пирцентом. А Качака – это...

– Знаю, кто такой Качака, давай дальше.

– Ну... спросил, куда идем. Зачем. Кто ты. Я рассказал все, как ты учил.

– Тише, – Гриф поманил парня пальцем. Алексей склонился над его ухом, зашептал.

– Ему медики рассказали про меня. Он интересовался, помогла ли катушка. Я сказал, что помогла. Спросил, где она теперь. Я сказал, что не знаю. Интересовался, смогу ли их привести на то место, ну... где нашли. Я сказал, что это можешь только ты, – Алексей замолчал.

– И все? – Гриф посмотрел на парня в упор.

– Ну... еще Качака мне в грудь пару раз вмазал для улучшения памяти. Вмазал не хило так. Он это «скворечником» называл. Ага, так и говорил: «Скворечник тебе забью». Странная у того мужика кличка, ну... которого ты назвал пижоном, – продолжал говорить Алексей с дурацкой улыбкой. От пережитого и обуревающего волнения он не мог остановиться. Гриф сунул руки глубоко в карман и зашагал по карцеру.

– ...Пирцент. Очень похоже на слово «процент», – не унимался Алексей. – Говорит он так, ну... словно вот-вот расплачется. Сумасшедший какой-то. Точно говорю, Гриф, он чокнутый. Как здесь воняет, словно помер кто-то, – он поморщился, – форточки нет даже проветрить эту душиловку...

– Заткнись, – Гриф остановился напротив Алексея.

– Я... я, – промямлил парень и как-то обреченно, вяло махнул рукой в сторону двери, – это...

– Просто замолчи, – Гриф взглядом буравил в нем дырки.

Алексей поджал губы, закивал и сел на топчан. Вспомнил, кто под ним покоится, подскочил, отошел к дальней стене, опустил на корточки.

Глава 7. Побег

В молчании прошел час. Сталкеры только меняли позы. В какой-то момент Гриф подошел к топчану, заглянул под него. Наемник лежал неподвижно. Гриф протянул руку, аккуратно достал пинцет, убрал в карман и позвал:

– Карабас, просыпайся. Мне надо кое-что у тебя узнать.

В ответ ему была тишина. Гриф подождал, затем сунул руку под топчан, нащупал плечо, потряс:

– Карабас, хорош...

Послышалось шебуршание, а затем раздался громкий, резкий нечеловеческий то ли визг, то ли сдавленный вопль. Гриф отпрянул, не удержался, упал назад, быстро отполз к стене.

Из полумрака на него смотрели два бешеных, безумных глаза, поедающих его поездом. Они как будто подсвечивались изнутри холодным светом. Такие два стеклянных шарика, за которыми зажглись тусклые светодиоды, а черные точки посередине – зрачки. Желтый оскал поблескивал мокротой. Из дыр между зубов несло булькающее утробное клокотание. Это уже был не Карабас и вовсе не человек, это было нечто маниакальное с полным разрушением личности. Гриф крепче сжал пинцет, готовый защищаться.

Но нет, обошлось. Свет в глазницах погас, клокотание стихло. Существо медленно отвернулось к стенке, свернулось в клубок и затихло.

– Господи, – выдохнул у стены Алексей, встал с корточек и зашептал, – я не смогу спать, пока он здесь.

– И не надо, – проговорил негромко Гриф, отошел к стене. На месте спайки разломал пинцет на две части, с минуту их вертел в руках, разглядывал и что-то соображал. Затем приблизился к Алексею и стал тихо посвящать его в план побега. Он дважды повторил последовательность их действий и как будут реагировать на ту или иную ситуацию. Алексей прилежно запоминал, морщил лоб, кивал, спрашивал, сталкер терпеливо разъяснял.

– Думаешь, получится? – спросил Алексей в конце. – Если все провалится, нас могут того, ну... пристрелить.

– Запомни, Ява, – проговорил Гриф убедительно, – только сомнения останавливают нас на пути к победе, в данном случае к свободе.

– Ну да, ну да, – Алексей нервно принялся кусать губу.

Еще два часа протекли в томительном ожидании. Когда им принесли на пластиковом подносе две одноразовые тарелки с какой-то баландой и пластиковые ложки, сталкер заинтересовался у Малого, который час.

Малой поставил поднос на пол и послал его на хер, затем вышел. Впрочем, Гриф и без его помощи узнал, что надо. Заглянул охраннику за спину через открытую дверь в узкое окно коридора. Был поздний вечер. А когда минут через двадцать охранник снова возник в проеме, чтобы забрать посуду, Гриф заинтересовался:

– Уважаемый, свет на ночь выключаете? А то у пацана темнофобия (он никак не мог вспомнить, как называется боязнь темноты), паника у него без света, понимаешь?

Малой опять послал Грифа куда подальше и вышел.

– Черт, – с досадой произнес сталкер, – что за урод?

– Свет они из-за меня не вырубают, – снизу донесся сиплый задыхающийся шепот. – Экспериментируют, суки... Я не переношу света... пятый день уже не сплю... твари.

– Тебя, гляжу, и не кормят, – не приближаясь к топчану, Гриф присел на корточки, глянул в сумрак. Карабас не поворачивался, лежал лицом к стене.

– Я сам... не ем, – повисло долгое молчание, – не могу.

– Так они что? Изучают воздействие матрешки? – Гриф в очередной раз попытался разговаривать наемника. – Этот Седых, он нарколога?

Молчание было ему ответом. Сталкер не настаивал, ждал, а когда встал с хрустом в правом колене, Карабас просипел: – Нет. Они из-за танка здесь.

– Из-за танка? – Гриф встрепенулся. – Из-за атомного? – и снова вопрос повис в воздухе, как одинокая, парящая в потоке пылинки.

– Эй, Карабас, – сталкер заглянул под топчан, – я спрашиваю, из-за атомного танка они здесь? – хотя в его голосе и звучала настойчивость, приближаться и тем более тормозить наемника он не решался.

Карабас лежал неподвижно, словно мертвый. Затянувшееся безмолвие обещало быть долгим.

– Вот так дела-а-а, – прошептал Алексей.

– Как сажа бела, – пробурчал Гриф и принялся расхаживать по карцеру, усиленно размышляя, встраивая новую информацию в «картину мира», взвешивая ее ценность, возможные варианты развития событий и корректируя приоритеты. «Мало данных, – в итоге заключил он. – Что с того, что из-за танка? При чем здесь Федорыч? И исчез? Сбежал, наверное. Он еще та аномалия. Фига он позволит трогать свою батарейку». Сталкер вспомнил, как стало потрескивать электричеством, когда он нелестно отозвался о Коленке. «Кстати, а что с Коленкой? Он-то где?».

Временами Гриф подходил к двери и прикладывал ухо к прохладному полотну, вслушиваясь в звуки снаружи. Он каждый раз удивлялся исходящему от него теплу и мелкому дрожанию у себя за грудиной, которое прекращалось, стоило отступить на шаг.

– Скоро начнем, – в какой-то момент прошептал сталкер и посмотрел на Алексея. Тот встрепенулся, выпрямился в спине и побледнел. Теперь Гриф не отходил от двери и все что-то там выслушивал. Минут через двадцать он забрался на топчан, пальцем поманил Алексея и, когда тот подошел, вскарабкался ему на плечи. На трясущихся ногах, скорее от охватившего его мандража, чем от тяжести, небольшими шажками Алексей прошел к центру комнаты и остановился под плафоном.

– Чуть правее, – прошептал Гриф, протягивая вверх руку с половинкой пинцета. С ее помощью он без особого труда открутил два шурупа, крепящих решетку и стеклянный плафон к металлическому основанию. Шурупы сунул в рот. Подрагивающими руками аккуратно положил плафон с решеткой между затылком Алексея и своим животом. Как и предполагал, карцер освещала лампа накаливания. Грифу пришлось стянуть рукав куртки на пальцы, чтобы выкрутить раскаленную грушу. Он чувствовал, как под ним дрожит Алексей, но старался об этом не думать.

– Ява, закрой глаза, – предупредил Гриф, вытянул руку и в стороне, чтобы осколки не попали на парня, коротким ударом разбил колбу о железный потолок.

В кромешной темноте, на ощупь, соблюдая крайнюю осторожность, Гриф нащупал электроды, убедился, что нить накаливания порвалась, после чего попал цоколем в патрон. За штенгель, не касаясь «усов», вкрутил лампу. Затем указательным пальцем осторожно поискал электрод. Ему повезло, попался нулевой.

– Будем надеяться, что УЗО сработает, – прошептал Гриф, согнул тонкую проволочку, замыкая тем самым электрод на «массу». Он докручивал первый шуруп, прикрепляя плафон к основанию, когда за дверью послышались суэта и громкие голоса. Гриф не стал его затягивать и быстро на два оборота наживил второй.

– Спускай, – прошептал Гриф. На трясущихся ногах, со сдавленным стоном Алексей опустился на корточки. Гриф слез с него, шагнул к двери.

– К стене встань, – распорядился он и заколотил берцем в дверь. – Эй, Малой, это у нас здесь что-то коротнуло. Иди проверь.

Гриф увидел, как под дверью вспыхнула полоска света, через секунду погасла. Еще дважды повторялись попытки запитать базу. Затем раздался громкий голос:

– Это в карцере замкнуло! – оповещал Малой. – Сюда, Калина, иди!

Через минуту лязгнул засов, распахнулась дверь, и в карцер вошли двое. Яркий луч света резанул по глазам.

– Где искрило? – потребовал ответа писклявый голос из-за пучка света. И сразу же добавил: – Быро к стене прижался.

– Там, – Гриф зажмурился и указал на потолок, отступил к стене. Луч перескочил на плафон. Калина, худой, гнутый в спине парень лет двадцати пяти, с противной прыщавой физиономией под нечесаными лохмами, в сложившейся ситуации чувствовал себя, как никогда, нужным, из-за чего борзота перла наружу крупным фаршем. Он вышел на середину карцера, несколько секунд рассматривал плафон, затем обернулся и сказал темному силуэту в дверях:

– Дай сюда стремянку, Малой.

Из коридора слышались голоса и беготня.

– Эй, Толян! – крикнул Калина в темноту. – Не включай! Я в плафон полез!

– Услышал! – донесся из темноты грубый голос.

Вошел Малой, поставил стремянку.

– Держи, – Калина протянул ему фонарь, – на плафон свети.

– Что я тебе, торшер, что ли? – пробурчал Малой, тем не менее фонарь взял.

– Побузи мне, – беззлобно говорил Калина, раздвигая лестницу. – Пирцент жрать сел, свет требует.

– Жрать он сел, – все тише бубнил охранник, – ложку мимо рта пронесет, мля.

Гриф некоторое время смотрел в открытую дверь, прислушивался. Вроде бы рядом больше никого не было, вернее, были, только они бегали по коридорам, перекрикивались, матерились и были заняты своими делами. Пока банда не пришла в чувства и еще не все достали фонари, Гриф решил действовать.

Он скользнул к Малому сзади, зажал рот рукой и до основания вогнал в глаз половинку пинцета. Охранник несколько раз дернулся, затем обмяк и осел, словно после смерти отлетела к небесам не душа, а скелет. Гриф выхватил из ослабевшей руки фонарь, аккуратно положил Малого на пол, стянул с него «кобру», при этом неизменно удерживая луч на плафоне. Все это он проделывал бесшумно. Калина ничего не заподозрил.

– Ёп, – бормотал он, откручивая шуруп, – этот дегенерат ничего нормально сделать не может. Даже сраной лампочки поменять нормально. Трудно гайку закрутить? Урод, пальцы бы таким ломать. Не тряси фонарь, – сказал со злобой и посмотрел вниз. Гриф направил луч ему в глаза. Тот зажмурился, отвернулся и прорычал: – На плафон свети, придурок. Ёп, сколько же вас таких развелось.

Тем временем сталкер вытащил из ножен на поясе мертвого охранника нож и осторожно стал подниматься по стремянке. Калина почувствовал неладное, обернулся:

– Эй, дубина, ты куда лезешь? – сказал он, шурясь от света, которым Гриф целил ему в глаза. – Слезь, Малой, сейчас грохнемся, – он попытался лягнуть сталкера. Гриф увернулся, схватил его за куртку и рывком сдернул вниз.

– Ёп, – только и успел сказать бывший электрик, падая в безвременье. Сталкер перерезал ему горло.

– Не стой истуканом, – зашептал Гриф Алексею, – шмонай Малого. Бери все...

– Калина? Че возишься? – басил Толян откуда-то из коридора. – Автомат включать?

– Ща, – отозвался Гриф, пародируя Калину.

– Все, идем, Ява, держись рядом, – Гриф погасил фонарь, выглянул в коридор. Переждал, пока мимо прогромыхает махновец с включенным налобником, затем выскользнул из

карцера. Алексей держался за силуэтом, мелькающим на фоне лучей, и суетно пихал по карманам запасной магазин для «гадюки», смятую впопыхах пачку сигарет, дозиметр, гайки.

Они шли на выход. Это Алексей понял сразу, конфигурация комплекса была ему знакома. На середине коридора, там, где он переходил в небольшой холл, Гриф замедлил шаг, включил фонарь и осветил на дверь справа. Затем уверенным шагом подошел к ней, повернул ручку. Дверь оказалась запертой. Гриф огляделся, погасил свет и снова вернулся на маршрут. Смешавшись с махновцами, сталкеры покинули здание.

Ночь окутала беглецов мраком и тишиной. Той мертвой, которая царит над голодными землями. Алексей не услышал воя, тьяканья, отголосков выстрелов и поначалу смутился.

Гриф свернул налево, дошел до угла и снова свернул. Оказавшись между БТРом и стеной, остановился, убрал фонарь в карман. Затем ухватился за поручень, поставил ногу на подножку и рывком взлетел на транспортер. По тихому скрипу петель Алексей понял, что Гриф открыл люк.

– Ява, лезь сюда, – шепотом позвал Гриф.

Когда Алексей вскарабкался на броню, то сталкера не увидел. Тот спустился на сиденье механика-водителя, закрыл над собой люк и откинул крышку соседнего. После чего включил фонарь и водил лучом по приборной панели, пробуждая затертые временем знания.

Ориентируясь на светлый круг люка, Алексей забрался внутрь, взялся за рукоятку и потянул крышку намереваясь ее закрыть. Она прошла половину пути и упруго остановилась. Алексей с недоумением посмотрел вверх. В тусклом отблеске от фонаря он увидел на краю металлического диска пальцы. В следующую секунду крышка плавно, но сильно пошла вверх. В образовавшуюся щель с опаской всплыла часть головы и один глаз.

– Гриф, – зашептал некто.

Алексей изо всех сил дернул ручку, но противодействующая сила оказалась могущественнее. Люк только качнулся туда-сюда.

– Ты кто? – за спиной Алексея зло шипел Гриф и целил автоматом в щель.

– Не стреляй. Это я, Пистон. Я с вами хочу.

Гриф мгновение колебался, затем опустил «кобру»: – Залазь.

Пистон не спешил, он порывисто зашептал вновь: – Я могу бэтером управлять. И потом, если не договоримся, я уйду.

– Да лезь уже, – проскрежетал Гриф. Алексею сказал: – Пусти его.

Алексей отпустил ручку и отодвинулся на сиденье. Через секунду в отверстие просунулись ноги, а затем и весь наемник оказался внутри бронемшины. Он левой рукой прижимал к груди вещмешок, а в правой держал LR-300. Пистон подозрительно и напряженно смотрел то на Грифа, то на Алексея.

– Не бздехай, жить будешь, – успокоил наемника сталкер, – садись за руль.

Гриф переместился на сиденье командира. Алексей тем временем перебрался назад и смотрел в триплекс. Ничего не было видно. Электрику все еще не починили, слепые прожектора тускло поблескивали отражателями.

– Посвети сюда, – попросил Пистон Грифа, усаживаясь на месте механика-водителя, – я так, не очень. Всего несколько раз ездил, – он сконфуженно улыбнулся суровому лицу справа.

– Высадишь ворота и шпарь по колее, – говорил Гриф бесстрастно, так, словно не слышал признания наемника. – Там в одном месте карусель метров через пятнадцать трамплин. Знаешь, наверное. Объезжай справа.

– Знаю, – наемник защелкал тумблерами, зажглась панель управления. Затем вдавил красную кнопку, над ней вспыхнула контрольная лампочка. – Стартанем сразу, – голос у Пистона стал сухим, напряженным, – без прогрета.

– Давай уже, – Гриф пристально наблюдал за его действиями. Пистон вдавил другую кнопку. Натужно, рывками стартер закрутил маховик. Постепенно с паузами двигатель стал

схватывать. Затем все чаще, дольше, и скоро заработал самостоятельно, набирая обороты. Пистон отпустил кнопку. Он ждал еще секунд пять, а когда на громкий рокот дизеля из корпуса посыпали махновцы, опустил ручной тормоз, включил фары, дернул рычаг переключения скоростей, вдавил педаль акселератора. БТР дернулся и покатился прямо на людей. Лицо наемника скривилось в мстительной, злой гримасе.

– Вот вам, шакалье облезлое, за Жеку, – скрежетал он. БТР немного подбросило, словно наехал на кочку, – за Чека, – наемник подработал рулевым колесом вправо. Раздался истошный вопль. Затрещали автоматы, – за Бертолета, – защелкали по броне пули. Машина взревела, рванулась вперед, снесла ворота, с дребезгом прокатила по створе и, как дикий зверь, вырвавшийся на свободу, неудержимо устремилась в темноту ночи, выбрасывая напоследок густое облако выхлопа.

На неровностях машину подбрасывало и переваливало. Жесткая подвеска едва сглаживала неровности. Желтые круги света прыгали по сухой траве, вырывая из темноты колесный след. Узкую колею «батона» Пистон старался пропускать под днищем. Он скинул обороты и был готов в любой момент отвернуть от аномалии.

– Ява, глянь по ящикам, сколько боекомплекта? – Гриф обернулся, посмотрел на патронные ящики, прикрепленные к правому борту. Затем развернулся в другую сторону, взглянул на башенную установку, окинул салон в целом. «Да, уж, – подумал он, глядя на пустующие крепежи, – малость распатроненный».

– Шмальни по этим уродам с башни, – крикнул Пистон Алексею, не отрываясь от дороги.

– Никуда он шмалять не будет, – веско сказал Гриф. Пистон быстро взглянул на него, затем вновь вернулся к смотровому люку.

– Ящик, Ява, вот этот, что слева, открой.

Машину раскачивало из стороны в сторону, любое действие приходилось корректировать и цепляться за выступы, коих в салоне было предостаточно. Алексей отстегнул замки, поднял крышку.

– Здесь лента для большого пулемета, – сказал он, рассматривая поблескивающие в полумраке крупнокалиберные патроны.

– Понял, – Гриф кивнул.

– Ява, – позвал он спустя некоторое время, – проползи по скамейке, открой верхний люк, посмотри назад.

Согнувшись под низким потолком, придерживаясь за трубу, на которую были накручены гофрированные противопогазные шланги, Алексей стал пробираться в десантный отсек.

– Не на чем им гнаться, – проговорил Пистон, поняв, с какой целью Гриф послал парня. – Уазик на ремонте. После твоего кувырка его только и чинили. Сделаем, день-другой покатаемся, потом он на нас.

Глава 8. Разговор в буфете

В институтских архивах Чаушев не нашел мало-мальски стоящей информации. Из разговора с подозрительным, обремененным подпиской о неразглашении младшим научным сотрудником Сошиным, обильно смачивая его «Чивасом», с горем пополам удалось выяснить следующее. Проект засекретили четыре года назад после неудачных испытаний. «Нарвал», по сути, спутниковая программа смежников из какого-то НИИ по агрессивным средам. Их НИИВР на едином концепте ядерной силовой установки разрабатывал три типа механизмов: гусеничный, шагающий и летательный.

– Все очень, очень секретно, – Сошин гнул к уху капитана, обдавая щеку теплым дыханием и перегаром, шептал: – Новые технологии. Понимаешь, сверхновые, – через толстые линзы очков классический задрот и ботаник тарасился на капитана покрасневшими глазами. – Искусственный интеллект, квантовая механика, пластиковая электроника, микро-нанотехнологии, и все это замешано на артефактах. Каково, а?!

Он смотрел, не моргая, на Чаушева и ждал чего-то. Потом вдруг засуетился, заморгал, завертел головой по сторонам, встал и, скомканно попрощавшись, пошел к выходу, все ускоряя шаг. А за несколько метров до входной двери и вовсе побежал из буфета.

На них не обратили внимание. Редкие посетители коротали тоскливый вечер в уютном помещении с прилавком, зарешеченными окнами, стенами, оббитыми вагонкой, и пыльными шарами-люстрами под беленым потолком.

Капитан смотрел ему вслед и сожалел. Уже после первого стакана и пятиминутного общения он понял, знает Сошин очень немного, а деньги, уплаченные за дорожкой виски, потрачены впустую.

Он смотрел рассеянным, остекленевшим взглядом в зарешеченное окно, поверх бетонного забора на темное хмурое небо и допивал спиртное, когда к нему подсел Шарапкин. В приличном подпитии тот, хотя и старался делать вид, что оказался здесь не так просто и к капитану у него серьезный разговор, не мог скрыть своего алчущего взгляда на бутылку. Разговор не клеился, Чаушев ему не наливал, и прапорщик из кожи лез вон, чтобы заинтересовать начальника. И ему таки это удалось.

– ... Два дня назад чё было, – начал очередную попытку пьяненький Шарапкин. – Я под «медовым шафэ»... – Чаушев представил, как тот, пьяный в дрыбаган и, очень вероятно, обмоченный (в подобном виде он его встречал как-то), – ... лежал на природе (-коей мог оказаться сорняк у забора) и лицезрел (- то есть тарасился тупым расфокусированным взглядом), как на задок из «головного хауса» вынесли клетку. Из нее выпустили облезлую сявку, а из пузыря, прифигаченного к ошейнику, брызгала красная краска. На фигу это надо, я не врубился. Зато дворнягу гоняли по внутреннему двору как сидорову козу, свистели, кидали бульники, – причем здесь «зато» капитан не понял, но выяснять не стал. Прапорщик продолжал: – Она носилась и от страха выла. Когда краска закончилась, ее того, изловили, отстегнули ошейник и впахнули обратно. Во-о-от, – протянул Шарапкин и в очередной раз устался на невзятую вершину. На этот раз горлышко наклонилось, и в еще невысохший стакан Сошина с приятным бульканьем вылилось немного янтарной жидкости. Они выпили не чокаясь.

– И это еще не все, – произнес Шарапкин, после того, как опорожнил тару и аккуратно поставил на стол. Глядя в сторону, как будто вовсе не слушая пустой треп, капитан небрежно взял пачку и потянул из нее сигарету. Шарапкин по-свойски дернул пальцем, показывая, что тоже не прочь побаловаться. Чаушев краем глаза заметил это движение. Сунул сигарету в зубы, а пачку подкинул под локоть прапорщику. Скоро они дымили в две трубы, и каждый набивал себе цену. Шарапкин был польщен вниманием и чувствовал себя на высоте. Уловил интерес начальника и тянул.

Хотя история заинтриговала капитана, вида он старался не показывать. Бутылка у его руки действовала на прапорщика все равно что поводок на болонку. Молчание затягивалось, сигареты тлели.

– Так вот, о чем это я? – не выдержал Шарапкин и покосился на виски. Капитан перехватил жадный взгляд и плеснул в стакан, поощряя слово.

– Ага, – возбудился охранник и употребил. Чаушеву показалось, что виски тот вдохнул, а не выпил, так это было сделано быстро, даже кадык не качнулся. – Значит, я того, лежу себе, лежу, за жизнь думаю. Задумался так и не заметил, как свечерело. Херак, снова двери заднего хода открываются, и вываливается оттуда... никогда не догадаешься кто, – Шарапкин озорно блестящим глазом посмотрел на капитана. Тот даже не повернулся в его сторону, продолжал скучно смотреть через решетку. Не смутившись, охранник продолжал: – Чучело оттуда в оранжевом комбезе вываливается, с такенным колпаком на башке, – Шарапкин показал размер, скруглив руки над головой. – За спиной у этого копатыча железный ранец, а в руках он держит пуху, от которой шланг тянется к этому самому ранцу. Врубаетесь, кэп, о чем речь?

Чаушев не ответил. Его покорила бестактность, допущенная охранником, кроме того, втягиваться в панибратство с забулдыгой, даже ради дела, он не собирался. Он долго лил себе в стакан виски, пока не заплескалось у краев, затем поставил бутылку. От такой расточительности (эдак скоро ничего не останется) у Шарапкина глаза полезли на лоб. Он осознал свой промах, но не находился, как исправиться. Облизал губы, несколько секунд таращился на колышущийся океан в стакане напротив, потом заговорил сиплым доверительным тоном:

– Я, конечно, извиняюсь за свою... фамильярность. Знаете ли, – он сконфуженно улыбнулся, взмахнул рукой, как бы призывая осмотреться, – обстановка навеяла. В общем-то, я к вам со всем уважением, товарищ капитан. Вы не подумайте... Он не договорил. Извинения были приняты, горлышко стукнулось о край его стакана, рождая волшебный звон бриллиантовой пыли. А потом забулькало. Хорошо так, на три пальца забулькало.

– Ваше здоровье, – охранник быстро взглянул на каменный профиль, затем поднес стакан к вытянувшимся в трубочку губам и быстро, в два больших глотка, опустошил. От удовольствия заулыбался, преданно, по-собачьи взглянул на благодетеля. Он, конечно, любил выпить и тратил на это много денег. В основном это была водка, по большей части паленая, так выходило больше. Виски все же оставалось непозволительной роскошью не только для него. Наверное, уже с год, едва он появлялся в буфете, как бутылка на верхней полки приковывала к себе взгляд. Вожделенно оглаживая литровую бутылку «Чиваса», пока стоял в очереди, прапорщик все намеревался ее купить, не сейчас, а может быть, в день зарплаты, на день рождения или на 23 февраля... Но, когда наступал урочный час, решал, что лучше приобретет «эконом» в большом количестве, чем одну «элит». Наслаждение вкусом того не стоило. Финал в итоге один: зачем тратиться и не факт, что окажется не контрафакт. И тут такой случай... Не паленая, факт. Хорошо идет, в ногу, парадным маршем.

Капитан кашлянул.

– Так вот, – засуетился Шарапкин, ощущая в голове блаженную леность, а к товарищу капитану братскую любовь. – Вышел мужик в комбезе на середину двора, развернул ствол на подъездную дороги и как пальнет пламенем. Мне даже у забора жарко стало от такой радуги. Честно сказать, я немного струхнул. Почудилось, что сейчас он развернется и как по мне даст, – прапорщик махнул рукой, замолчал, соображая продолжение. Но продолжение не складывалось, время шло. – Во-от.

– Ты что Таирову про меня наплел? – спросил Чаушев, читая на пустом и пьяном лице Шарапкина его мысли. Впрочем, читать было уже нечего.

– Я?! – Шарапкин выкатил глаза и подался вперед. Его удивление и обида в голосе выглядели весьма убедительно. Но капитан продолжал гнуть свое.

– Мне надо знать точно, что именно ты ему рассказал. – Впервые за все время их застолья капитан посмотрел на охранника. Посмотрел строго и как-то опасно. Даже будучи под «медовым шафэ», Шарапкин явственно прочел это во взгляде капитана. – Понимаешь, Шарапкин, – смягчился Чаушев, – это может плохо отразиться на моей службе, а в итоге и на твоей. Мне надо знать, чтобы я смог минимизировать ущерб.

– Да... – прапорщик надул щеки, выкатил глаза и пожал плечами, всем видом показывая, что он ни при чем и не находит слов в свое оправдание.

– Я жду, – для храбрости и укрепления доверия, Чаушев налил охраннику, немного плеснул себе. Выпили.

– Даже не знаю, что могло бы не понравиться начкафу, – Шарапкин поставил стакан на стол и потупил взгляд.

– Начни с того, что у меня связи с военными и иногда я перевожу контрабандный груз. Тебе же об этом хорошо известно. Ты, дурачина, – капитан не удержался от оскорблений, – собственноручно загружал зиллок сухпаями и армейкой. Ты же, раздолбай распоследний, деньга за это получал. Чего тебе не жилось?

– Да, товарищ капитан, он меня так хитро вывернул...

Чаушев прекрасно представлял, как это происходило. Бутылка-две сносного пойла, доброе слово, вот вам и вся хитрость, весь Шарапкин на ладони. Прямо как сейчас. «Дурак. Какой же я идиот, что подвязал этого дебила. Сам виноват. Денег пожалел. Лучше бы Тучина подбил. Пусть дороже, зато надежно».

– ...я и рта не успел открыть, а он мне уже все про нас выложил. Говорит, так, мол, и так, ему все известно. И знаете, от кого? От Фофана, – поймал непонимающий взгляд капитана, пояснил: – Афонасьева. Этот Афонасьев такое трепло...

– Что именно? – Чаушев исподлобья смотрел на охранника, не в силах скрыть злость.

– Ничего такого, товарищ капитан, – блеял Шарапкин, наконец, поняв, чем дело пахнет. Приятная слабость куда-то улетучилась, страх занял ее место. – Сказал, что да, Фофан не соврал, что вы с военными связь держите. Что если надо, то можете кое-что привезти, а если очень надо, то и по воздуху доставить. Помните, вы с летехой говорили о вертолете? Я и предложил товарищу полковнику, кстати, – немного воодушевился Шарапкин удачно подвернувшейся мысли, – воспользоваться вашими услугами со значительной скидкой. Да, говорю, наш капитан вас уважает и обязательно сделает для вас значительную скидку. Подумал, здорово, если начкаф с нами будет. Как бы под ногтем у нас. Если надо, мы его прищучим этой контрабандой. Ведь правильно я подумал, а? – Шарапкин с робкой надеждой взирал на сурового командира.

– Дурак ты, Шарапкин, – выдохнул Чаушев и откинулся на спинку стула, поражаясь то ли наивности, то ли тупости подчиненного, то ли своей тупости.

Глава 9. Адьюас диас

Придерживаясь за спинку сиденья, раскачиваясь, как при шторме, Алексей пробрался в заднюю часть десантного отделения. Поднял глаза, повертел головой, нашел рукоятку. Открыл люк, высунулся. Дунул пронизывающий ветер, затрепал по волосам, задергал за воротник, рукава, словно спрашивал, почем вещички. По лицу ударили холодные капли. Пальцы ощутили мокрый металл. Здесь мотор ревел значительно громче, из выхлопных труб выдувал облака дыма. Сквозь него сталкер старался рассмотреть хоть что-то, но все зря. Сплошная сырая, дымная чернота. Он задраил люк и снова пробрался в отделение управления.

– ...а эти на бэтаре, – говорил Пистон, – им наша «таблетка» на фиг не нужна. Да и с шелкунами завязали. Перевелись они все.

– Переловили, а не перевелись, – Гриф недобро посмотрел на наемника.

– Да бес с ними. Скажи лучше, как нам быть, когда до леса доедем?

– Как быть? – задумчиво произнес Гриф. – Давай-ка покурим сперва, там и решим, как быть.

Алексей вспомнил о трофейной пачке, отклонился, полез в карман куртки.

– Пистон, – снова заговорил Гриф, – ты че, не куришь?

Молча, с видимой неохотой, наемник достал из нагрудного кармана «Тройку». Удерживая левой рукой руль, выбил о большой палец две сигареты, протянул Грифу. Затем достал себе. Пачку убрал на место. Зажигалку все же пустил по рукам. Пройдя круг, она вернулась. Молча некоторое время все трое курили.

– К нашим, за Бром надо валить, – наконец, сказал Гриф.

– Не угадал, – ощерился и как-то не к месту ухмыльнулся Пистон, – земляки там. Они с Седыхом за одно. Как пить дать Пирцент с ними уже связался. Они нас ждать будут.

– И черт с ними, прорвемся. Ну... это, у нас во какая махина, – подал голос Алексей и хлопнул ладонью по броне.

– Они твою махину с одного выстрела подпалят. РПГ у них имеется.

– За крестом все равно придется бэтар бросить, – заговорил Гриф, попыхивая табачком. – Это здесь аномалий кот наплакал, а там, только гляди не вляпайся. Знают они это и поджидать будут. Зачем им свой бэтар палить, – помолчал, а затем сказал: – Даже засаду делать не будут. Пустят рыкстера и все. Думается мне, кнопки на маяках земляки сами жмут, – посмотрел на Пистона.

– Те, что не дают им разбежаться?

Гриф кивнул.

– Сами, конечно, – подтвердил Пистон.

– Надо уходить туда, где нас не смогут достать, – сталкер наморщил лоб, провел рукой по волосам, вздыбливая челку. На несколько секунд свист и гул двигателя затопили отделения.

– И куда? – Алексей напрягся. Он уже знал, что предложит сталкер, и внутренне приготовился. За рокотом дизеля Гриф его не услышал и ответил на тот же вопрос, который задал наемник, только зычней: «Куда предлагаешь?»

– К бункеру.

– К бункеру?

– Да, – лицо Грифа сделалось сосредоточенным, он сухо распорядился: – Когда допрешь до леса, поворачивай направо и малым ходом вдоль опушки.

– А аномалии?

– Нет их там. Мы ходили, знаем.

Сердце у Алексея тревожно затрепыхалось. Он вспомнил дымную тварь, как та заползла ему в рот. Вспомнил мерзкие ощущения в горле, пищеводе. Дым вовсе не был воздухом с

едкими примесями и канцерогенами, он был желейным, густым, как червяк, пропихивался в глотку и не давал дышать.

От этих воспоминаний Алексей содрогнулся. Ни тогда, ни сейчас он не мог понять, как дым может быть таким густым и одновременно невесомым. Вспомнил, как тот крепко обхватил щиколотки и тянул... Алексей мотнул головой, отгоняя наваждение, привстал, ухватился за штангу сиденья стрелка и через плечо Грифа заглянул в смотровой люк.

Разбитая колея, лохмотья травы прыгали и пестрили в свете фар сыростью. Косые нити дождя, словно по линейке, расчерчивали пространство впереди. «Хорошо, что в бэтаре», – подумал Алексей. Свист и рокот двигателя, который раньше забивал уши и отгонял мысли, как коровий хвост слепней, теперь стал уютным, чуть ли не урчанием кота, а толчки и провалы – убаюкивающими волнами.

– Что знаешь про седыховскую банду? – спросил Гриф у Пистона. – Карабас говорил что-то про атомный танк. Говорил, старик местный был у них и куда-то делся. Что знаешь об этом?

С минуту Пистон молчал, вглядывался в дорогу, потом заговорил:

– Нам по радиостанции оттелеграфировали, мол, едет майор из военного института какого-то. Типа, этот Седых – ценный кадр, – наемнику приходилось напрягать голосовые связки. Вены на шее вздулись, он побагровел. – Вообще, нас редко тревожили. Бывало, месяца по три не вспоминали. Во-о-т, а в этот раз сказали, чтобы мы его встретили, как полагается, чтобы немного потеснились и не возбудили, – Пистон замолчал на несколько секунд, затем продолжил: – Сказали, что он, этот самый Седых, ненадолго. Будет сотрудничать со Швецом и Кочетковым, он там над чем-то схожим бьется. – Пистон успевал и рассказывать, и дорогу высматривать. Катил транспортер неторопливо, не быстрее десяти километров в час.

– И че, он тоже щелкунов перешивал? – спросил Гриф громко.

– Никого он не перешивал. Лично я, вообще, сомневаюсь, что Седых – научный деятель, – Пистон повернулся и заглянул в любопытствующие глаза сталкера. – Облапошил он Карабаса. Матрешка ему все мозги в кашу размазала, – наемник снова вернулся к дороге. – Разрешил запустить бэтар. Мы ворота открыли, а оттуда как повалит гопота. Жека и Бертолет огонь открыли с вышек. Положили троих, остальные за броней спрятались. Сучары сначала с крупнокалиберного Жеку искромсали, потом Бертолета. Чек руки поднял, калаш бросил, а они и его скосили. Карабас в дежурке забаррикадировался. Ему пообещали в живых оставить, да еще дури навалом, он и сдался. Я тогда после смены в кубрике отсыпался... Короче, не было смысла сопротивляться.

БТР подбросило на кочке. Всех синхронно трянуло, а потом мотнуло из стороны в сторону. Пистон замолчал, и некоторое время его внимание занимала колея, по которой он катал не раз, только на другой технике.

– Что дальше? – спросил Гриф.

– Дальше, – наемник, как показалось Алексею, тяжело вздохнул, за свистом и рокотом мотора не услышал, догадался по паузе и движению грудной клетки, – они на бэтаре с какими-то приспособами, с тросами, лебедками поехали за «плешку», мы туда не совались. Говорили, какой-то там танк хотят буксануть. Долго возились, каждый день ездили.

Пистон замолчал, наверное, устал все же перекрикивать БТР.

Гриф развернулся и многозначительно посмотрел на Алексея, мол, про наш танк говорит. Алексей кивнул и невольно задержал взгляд на его лице. Показалось, что правый глаз сталкера заплыл сильнее. Хорошо, что Гриф ничего не сказал. Алексей засомневался, что сдержал бы улыбку, заслышав импозантный присвист.

– Возле этого танка они какого-то старика заарканили с зомбьяком.

– Это же Федорыч с Коленькой, – воскликнул Алексей и от волнения приподнялся с сиденья. Пистон с Грифом посмотрели на него.

– Слушай, – сухо сказал Гриф парню, – и не перебивай.

Наемник продолжил:

– Привели их, значит, на базу. Мутно что-то там было. Старик не хотел помогать. Упирался. Но после того, как Пирцент зомбяку отрезал руку, дело пошло. Дедан согласился. В итоге зомбяк сдох, а старик куда-то делся. Одни говорили, что его грохнули, другие, что он сбежал, а самые крикнутые утверждали, что испарился.

– И что? Что с танком? – спросил Гриф.

– Да вроде стащили его с аномалии. Пир горой устроили. Перепились все на хрен. Особенно этот майор радостным был, лыбился, как параша, ходил, ручки потирал, по плечу всех хлопал, мол, молодцы, ребята, такое дело провернули.

Желтые круги высветили кривые деревья.

– О, – обрадовался Пистон, – кажись, лес.

Гриф вытянул шею, посмотрел через стекло. Серые перекошенные облезлые палки стояли густо.

Он стремительно, как змея при броске, вскочил с места, схватил стоящую рядом с наемником автоматическую винтовку. Тот даже дернуться не успел, только голову повернул.

Сталкер отступил назад, LR-ку повесил на плечо, на наемника нацелил «кобру».

– Тормози. Руки держи на руле, – не сводя с Пистона взгляда, сказал Алексею: – Ява, шмотник его возьми.

Алексей смотрел на Грифа вытаращенными глазами.

– Мешок бери! – гаркнул тот. Подстегнутый окриком, Алексей неуклюже встал, подошел к Пистону. Наемник все прекрасно понял и не дергался. Он спокойно остановил БТР, заглушил двигатель и теперь сидел неподвижно, глядя перед собой, не выпуская из рук баранки. Алексей взял его вещмешок, отошел.

Под низким потолком, кроме того, что приходилось пригибаться и ходить на полусогнутых, надо было постоянно осматриваться, чтобы не треснуться головой о что-нибудь выпирающее. Казалось, каждый сантиметр боевой машины имел полезную нагрузку и нес на себе какое-то приспособление или устройство.

– Вытряхивай, – распорядился Гриф, – глянем, что за богатство притарил наемничек.

Алексей развязал шнурок на клапане и высыпал содержимое. На железный пол посыпались консервы, литровая бутылка с водой, миска, кружка, детектор, открывалка, носки, целлофановый пакет с пузырьками и кластерами, упаковки бинтов, складной нож, два магазина и еще много чего. Было видно, что Пистон готовился к побегу.

– ПДА где? – спросил Гриф.

– Нету, – невозмутимо ответил Пистон.

– Ява, пройдишь по его карманам. Нет, – остановил Гриф Алексея, когда тот подошел справа и хотел наклониться к наемнику, – со спины обшарь, – сам Гриф при этом сдвинулся в сторону, чтобы Пистон оставался в прицеле.

Кроме пачки сигарет, зажигалки, потрепанной ксивы, нескольких гаек и затертых лакированных четок ничего не обнаружилось. Найденное Алексей сунул в карман, при этом ощущал себя распоследним мародером. Награбленное тянуло куртку. Не будь Грифа, он бы так не поступил. Но Гриф был и, как мог, вытягивал их из дерьма. Алексей понимал, что должен помогать ему в этом, по крайней мере делать то, что говорят.

– Куда ПДА спрятал, сука? – грубо спросил Гриф. И без того недобрый его взгляд стал загустевать и звереть. Алексей подумал: «Сейчас он его грохнет».

– Его сразу отобрали, – пробурчал наемник, косясь на Грифа. По интонациям, по поведению, по прошлому опыту наемник понял – сталкер чеченькаться с ним не будет. Пистон продолжал сжимать руль, как будто удерживал гранату с выдернутой чекой. – Чтобы не могли ни с кем связаться. Они все без ПДА, только стометровые рации у часовых.

– Ява, бери винтарь и отойди к седушкам, – Гриф скинул с плеча LR-300, протянул Алексею. Алексей взял и отошел в десантное отделение. Не сводя прицела с наемника, Гриф отступил на несколько шагов, открыл боковой десантный люк:

– Давай, Пистон, без резких движений на выход. Здесь наши дорожки расходятся.

– Они меня кончат, – хмуро пробубнил наемник и не пошевелился.

– Как постараться, а я тебя сейчас уokoшу. Ну! Пошел!

Алексей молчал и из полумрака переводил выпученные глаза то на Грифа, то на наемника. Пистон еще мгновение колебался, потом поджал губы, распрямил пальцы, словно отпустил в свободное падение свою судьбу, стукнул ладонями по рулю и полез из сиденья. Гриф еще отступил на шаг. Пистон остановился возле люка:

– Дай хотя бы «гадюку» и детектор, – пристально посмотрел на сталкера.

– Пошел к черту. Выметайся резче, – палец Грифа поджал спусковой крючок.

– Мы ведь тебе хоть и сраный, но все же дали ствол.

– Ага, – усмехнулся, словно кашлянул, Гриф, – и два патрона.

– Прошу, Гриф, не будь гадом, – простонал Пистон и жалобно посмотрел на сталкера.

Потом перевел взгляд на Алексея: – Чему парня научишь?

– Ты за парня меня не дергай, – Гриф все же обернулся и посмотрел на обескураженного Алексея, облизал сухие губы и сказал, вновь обращаясь к наемнику: – Дуй до мехбазы, там во второй печи, если считать справа, сразу за заслонкой закладка наша. АК найдешь, рожок к нему полный, две аптечки, возьми одну. Противогаз тоже можешь забрать и «виллис» с запасной батареей. ИРП, наверное, уже испортился, но кое-что выбрать можно. Двигай вдоль опушки до фермы, за ней крест увидишь. За крестом уже сталкеры бродят. Дождись их, и будет тебе счастье.

Еще долгих несколько секунд наемник с ненавистью смотрел на сталкера, потом сплюнул под ноги и полез из бронетранспортера. Не оборачиваясь, широким, каким-то деревянным шагом он пошел в ночь. Не оглядываясь и не озираясь.

– Адьюас диас! – крикнул ему вдогонку Гриф и захлопнул люк. – Чего на меня уставился? – проговорил он, поймав хмурый взгляд Алексея.

– Нет там у нас никакой закладки, – проговорил парень.

– И че теперь?

– Ты обманул его.

– Да, обманул, зато он отчалил без проблем, – Гриф зло уставился на парня. Подбитый глаз уже не казался Алексею чем-то смешным, а являлся теперь самой опасной частью в его теле. Казалось, от боли в синяке Гриф и злится, и вся подлость от него. «Выпер Пистона, а сейчас и до меня доберется, вон как смотрит», – подумал Алексей, а вслух сказал:

– Он же умрет, Гриф. Ты его на верную смерть отправил.

– Жить захочет, выкарабкается.

– Нет, не выкарабкается, или бандюки с базы схватят, или земляки. Не пожалеют они его.

– Во-во, – проговорил Гриф, понемногу остывая, – это мы тут такие добренькие, хотя у самих жопа дымится. Ты его знаешь? Я нет. А может, завтра он тебе пулю в спину пустит. И кормить его еще, – сталкер повысил голос. – Сами что жрать будем? Эти три банки? – Гриф кивнул на распотрошенный вещмешок. – Там, Ява, «голодные земли», – Гриф резко поднял руку и пальцем указал куда-то за БТР. – Там на нас вся нечисть мутантская, как на обед, смотреть будет. А он, этот твой Пистон, даже не сталкер. Он нам обуза, понимаешь, гвоздь в башмаке. Сам подохнет и нас за собой потянет. Он ни черта не может. Няньками мы для него будем. Понимаешь, добряк, твою в душу мать? Няньками.

Алексей еще некоторое время тарачился на Грифа, а потом как-то сник, сел на скамью, склонился, обхватил голову руками и сильно зажмурился.

Гриф посмотрел на него, тяжело вздохнул, проговорил примирительно:

– Давай покурим, – протянул к Алексею руку с раскрытой ладонью. Алексей молча достал из кармана трофейную «Тройку» сунул в раскрытую пятерню.

– Не густо, – проговорил Гриф, заглядывая в пачку. – Дай огня, – снова протянул руку. Алексей пошарил в кармане, среди награбленного нашел и зажигалку. Гриф прикурил, пачку с зажигалкой убрал себе в нагрудный карман. Покосился на горящего Алексея, мотнул головой и, мрачный, шагнул к шмотнику. Опустился на колено, принялся собирать разбросанные вещи.

– Блин, Гриф, – простонал Алексей, – он же с нами по-человечески. Помог сбежать, столько всего полезного рассказал.

Гриф выпрямился в спине, взглянул на страдающего муками совести парня. Дым от сигареты, зажатой в уголке губ, неторопливо наползал на небритое лицо, на лиловый синяк под глазом, скользил по морщинистому лбу, колышущейся струйкой дотягивался до потолка и там расплывался в мистический блин. С полминуты сталкер пристально смотрел на Алексея, затем перевел взгляд на вещмешок, на банку тушенки в руке, мотнул головой, высыпал, что насобирали, на пол. Осмотрелся, с командирского сиденья снял сумку для укладки шлемофона и выборочно стал складывать в нее банку тушенки, два бинта, раскладной нож (у них уже имелся один – подарок Малого), коробок спичек, следом пошел сигнальный фонарь (мощный фонарь от Калины был куда лучше). Некоторое время в сомнениях Гриф вертел в пальцах компас, затем прибавил к прочему.

– И «медведя» отдай, – услышал негромкий голос Алексея.

Гриф обернулся.

– Ты лучше всякого детектора, а он, ну... на первой же аномалии накроется.

Гриф показно вздохнул, сунул в сумку прибор, пробурчал:

– Нам драпать надо, а мы тут розовые сопли пускаем.

– Да ладно тебе, Гриф, – заулыбался Алексей, понимая, к чему дело клонится, – никто за нами не гонится. Пистон же сказал, ну... не на чем им.

Гриф ничего не ответил, собрал сумку, отставил в сторону, недовольный забрался на сиденье механика-водителя. Наблюдая за Пистоном, он многое вспомнил из военного прошлого по управлению БТРом и кое-что почерпнул нового. В общем-то, ничего сложного в управлении транспортером он не видел. По крайней мере жать на педали, крутить баранку и катить, куда надо, он вполне мог.

Соблюдая последовательность, он в точности повторил действия наемника по запуску двигателя. Машина взревела. Сталкер выжал сцепление, с некоторым усилием воткнул передачу. Руль оказался тугим. Напрягая мышцы, Гриф повернул его влево. С легким рывком машина тронулась, медленно покатила вдоль опушки. Сквозь блестящие водяные нитки свет фар устремился в темноту. Алексей подошел, ухватился за скобу, встал рядом. Он с напряжением вглядывался в ночь сквозь узкий смотровой люк. Дворник угловато, как контуженный, смахивал воду, оставляя мокрые полосы на стекле.

Весь короткий путь, что они догоняли Пистона, Гриф молчал и напряженно думал.

Наемник шел заданным курсом, своим деревянным шагом, и ненавидел весь свет. Куртка на плечах намокла и потемнела. Он не обернулся на гул мотора, а зашагал еще быстрее.

Гриф обогнал наемника, заглушил двигатель. Алексей потянулся к верхнему люку. Сталкер остановил его:

– Погодь, я сам с ним потолкую.

Открыл люк, выбрался на броню и стоял, ждал, пока не приблизился наемник.

– Пистон, тормозни. Разговор есть, – громко сказал Гриф.

Тот словно его не слышал, упрямо шагнул вперед, сбивая с мокрой травы капли.

– Да стой, тебе говорю! – Гриф достал из кармана гайку и швырнул в сутулую спину. Пистон остановился, секунду медлил, словно что-то решал для себя, затем повернулся:

– Чего надо? Забыл берцы стянуть?

– Да вроде наши еще ничего. Я о другом. Мы здесь подумали, тебе даже с закладкой не дойти. Если рыкстер не сожрет, земляки тебя по-любому перехватят и отдадут майору. А судя по твоим рассказам, он скор на расправу. Смастырят из тебя очередного рыкстера, в лучшем случае сразу грохнут. В общем, мы решили пока вместе держаться. Хавчика настроляем, кое-что здесь не особо заразное водится. Голодными не останемся. А потом, когда отсидимся или объездную дорожку нащупаем, доведем тебя до Депо, все равно нам туда надо.

Пистон смотрел на Грифа, молчал и обдумывал предложение. Потом сказал:

– Че-то темнишь, Гриф. Ты не из добреньких. Какую-то для меня работенку припас. Какую-то грязненькую. Отмычкой хочешь взять?

– Накой нам отмычка, когда есть бэтар?

– Потом, когда бензин кончится или застрянет. Ты меня на такой случай хочешь придержать. Так ведь?

Гриф с минуту смотрел на наемника, покачиваясь с пятки на носок, а потом сказал: – Думай как хочешь. Но нам отмычка не нужна, у нас «медведь» есть, да и я за шесть лет поднаторел. А даже если и отмычкой, все же лучше, чем к Седыху возвращаться.

– Так-то да, – Пистон, в мучительном метании, провел рукой по мокрым волосам. – Ладно, – махнул рукой, стряхивая с нее воду, – поеду с вами. Только винтовочку верни.

– А вот это херушки. Извиняй, Пистон, тебе незачем. Мы, если че, защитити сможем тебя. Сам понимаешь, ты человек новый, доверия никакого. Так что просто будь гостем.

– Ладно, – Пистон шагнул к БТРу, поставил ногу на подножку, ухватился за поручень. Сталкер протянул ему руку. Наемник поднял глаза. Гриф добродушно улыбался. Наемник схватился за нее, Гриф рывком втащил его на броню.

Глава 10. Дорога

Гриф посадил Пистона снова за руль, сам сел, как и раньше, на командирское сиденье. Алексей устроился за ним на месте стрелка. Все было, как и раньше, с той лишь разницей, что теперь штурмовая винтовка стояла возле командирского сиденья, а рюкзак – у ног Алексея.

– Это че за хрень? – нарушил затянувшееся молчание Гриф. Пистон обернулся. Быстро взглянул на прибор, которым заинтересовался сталкер, пробубнил:

– Прибор ночного видения и вроде как бинокль.

– Как включить?

– Не работает он, – наемник вновь устремил взгляд на растянутое желтое пятно перед бэтээром.

Гриф взялся за рукоятки, покрутил, щелкнул тумблером, приблизил глаза к резиновым уплотнителям. Темнота. Откинулся на спинку, прошелся взглядом по приборам, остановился на радиостанции:

– А она работает?

Наемник снова повернулся, понял, о чем речь, пробурчал:

– Точно не знаю, но вряд ли, – помолчал и, уже глядя в окно, добавил: – Дрындыр говорил, что она маломощная, старого образца, ближе к границе, вроде, тянет, а так шумы да помехи.

– Понял. А это дозиметр? – Гриф пальцем указал на аппарат, установленный в крепежах между командиром и водителем.

– Рентгенметр, – уточнил Пистон, протянул руку и щелкнул тумблером. Вспыхнуло электронное табло, на нем зашустрили цифры. Наемник задержался взглядом, – фон в норме.

– Он еще и плавать может, так?

– Может, – без охоты проговорил Пистон. Ему и самому-то немного было известно. Черпал информацию из редких поездок к танку. Его, как местного, брали проводником.

Хотя у Пистона после инцидента не было желания чем-либо делиться со сталкерами, он понимал, его знания могут оказаться полезными для выживания всех, его в том числе. – Тут, короче, есть устройство такое, – наемник замялся, не находясь с формулировками, – в общем, при ядерном взрыве, чтобы в бэтэр не попадали отравляющие вещества и радиоактивная пыль, фильтрующая установка включается. Внутри салона создается повышенное давление, и если где есть щели, воздух прет отсюда, а не наоборот. Как-то так Дрындыр рассказывал.

Гриф со всем вниманием выслушал наемника, затем спросил:

– И как она включается?

– Фиг ее знает, вроде какие-то краны возле моторов.

Гриф обернулся, посмотрел через салон на перегородку, отделяющую силовую установку. Чего там только не было. Начиная с тусклого плафона под толстым стеклом и кончая тряпичными подсумками, все было непонятно.

– А что за баллоны?

Пистон быстро обернулся, проследил взгляд Грифа: – Это автоматическое тушение. Насколько помню, только для движка, – развернулся и снова устремил взгляд в узкое окно, смаргивающее дворником. – Тот, что справа в крепеже, салонный, углекислотный.

– Ну-ка, Ява, сползай, позырь, че там за вентили, может, надписи какие для тупарей типа нас имеются.

– Пускай лучше с КПВТ разберется, что крутить, куда давить, – порекомендовал наемник.

– Ты башенный пулемет имеешь в виду? – спросил Гриф.

– Да. С ним спаренный ПКТ 7,65.

– Ты, Пистон, не понтуйся: ПКТ, КПВТ, айнанэ, пальцем ткни.

Наемник тяжелым взглядом посмотрел на Грифа, вздохнул и заговорил:

– Там, слева от седушки, вертикальное колесо с рукояткой, это регулировка по высоте, рядом рычаг, это стопор. Их лучше не трогать, они отрегулированы на ростовую мишень, – к вооружению Пистон присматривался особенно и запоминал каждую мелочь. Кое-что рассказал Дрындыр, кое-что подсмотрел у стрелка. Пару раз беззубый Душман палил по слепым псам. – А вот прямо, колесо с рукояткой и кнопками, это поворот по горизонту и огонь. Нажмет на левую – крупнокалибер, на правую – 7,65. И сначала рукоятку перезарядки пускай передернет, там слева. И седло надо подогнать, чтобы не тянулся до прицела, там, на штанге крепеж. Глазок прицела сразу увидит. Черное такое резиновое кольцо.

Выслушав подробный инструктаж, сталкеры переглянулись.

– Обязательно посмотрит, – заверил Гриф наемника, – КПВТ – вещь нужная, но сначала Ява разберется с вентилями. Почитает, что да как.

Раскачиваясь, подпрыгивая и приседая, Алексей пробирался по транспортеру, цепляясь и опираясь за что только можно. Он добрался до задней перегородки, сел на край сиденья и взглядом неандертальца принялся рассматривать непонятные агрегаты, бугорки и выступы.

– Эй-эй, – заголосил Пистон, который первым почувствовал, что с машиной что-то не то. Обернулся и вытаращенными глазами уставился на Алексея, словно тот мог каким-то неумелым обращением с боевой машиной заставить ее идти юзом. Гриф тоже посмотрел на Алексея. Тот сидел на краю скамьи, склонился и как ни в чем не бывало, внимательно читал таблички с надписями, шевелил губами. Потом он встрепенулся, тоже почувствовав неладное, обернулся на них. А через секунду все ощутили, что БТР теряет ход. Дизель натужно заурчал, как будто транспортер увяз. Корма все быстрее ползла вправо, словно соскальзывала с крутого склона.

Алексея обняла невидимая рука и потянула к правому борту. Одновременно с этим раскачивающиеся под потолком на воздуховоде гофрированные шланги вдруг прилипли к борту. Автомат, который висел на левом плече Алексея, стал приподниматься, а ремень пополз с плеча. Какая-то зеленая круглая крышка с резьбой прогремела по рифленому полу и с глухим щелчком, словно к магниту, прилипла к броне. Ремни на подсумках для гранат, на бочке с питьевой водой зашевелились в ту же сторону. В сборнике для стреляных гильз забряцало, он выгнулся почти под девяносто градусов, словно БТР перевернулся на бок.

– Что за фигня? – Алексей левой рукой поймал сползающий автомат, правой подцепил ремень.

– Газуй! – заорал Гриф, ощущая воздействие аномалии.

Наемник вывернул колеса вправо и надавил на педаль акселератора. Двигатель взвыл, БТР как будто присел, а затем рывком вырвался из липких лап гравианомалии.

– Итить вашу на колбасу, – в сердцах выругался Гриф. – Стой, Пистон!

Наемник проехал еще метров десять, прежде чем остановился. Все качнулись одновременно вперед-назад, словно на них – картонных, дунул кто-то. Пистон поставил рычаг в нейтральное положение, дернул ручник. Ява тем временем цеплялся и карабкался по салону, с вытаращенными глазами пер к командирскому отделению.

– В этой консервной банке, – раздраженно говорил Гриф, поднимаясь с сиденья, – я ни черта не чувствую. – Сделаем так. Я выберусь наружу и буду говорить куда ехать. Ты, Пистон, не газуй и слушай внимательно. Делай как скажу, – сталкер внимательно и как-то с ударением посмотрел на наемника. Тот отвел глаза, пробурчал: «Лады». – Вот, – продолжил Гриф уже с меньшим нажимом, – ты, Ява, будь поблизости, – многозначительно посмотрел на парня, так многозначительно, что смысл этого взгляда стал ясен и наемнику. Тот фыркнул и отвернулся. Грифу, впрочем, его вдохи-выдохи были абсолютно безразличны.

– Детектор возьми, – сказал Алексей, чтобы прекратить затянувшееся неловкое молчание.

– Как-нибудь так справлюсь, – с этими словами Гриф повернул рычаг, откинул крышку люка, высунулся по грудь, осмотрелся, затем выбрался наружу, сел возле люка. Брюки сразу промокли. Дождь все еще моросил. Сталкер уселся на край, возле башни, ноги пристроил на поручни, левой рукой крепко ухватился за распахнутую крышку люка, правой придерживал на коленях автоматическую винтовку.

Свист турбины, рокот дизеля и шорох дождя забивали все звуки. Глаза, конечно, играли роль, но только там, куда светили фары. По бокам, с кормы, царили темнота и неопределенность. По большей части сталкер полагался на свои способности и надеялся почувствовать невидимое до того, как оно возникнет.

Гриф время от времени оборачивался назад, ожидая увидеть в темноте огоньки далеких фар. Но ничего подобного не наблюдал. Он понимал, даже если махновцы и поставили на ход «батон», вряд ли рискнут гнаться на раздолбанном рыдване за восьмиколесной крепостью. Он разделает из крупнокалиберного пулемета УАЗ и всех, кто в нем по своей тупости вздумает катить, как консервную банку. Хотя стоило сталкеру представить вылезавшего через боковую дверь махновца с РПГ, ему делалось не по себе.

Чем дальше они отъезжали от «Салюта», тем призрачнее становилась эта картинка. Гриф все реже оборачивался, а через некоторое время и вовсе перестал утруждаться этим занятием.

Небо заволокло тучами – темень, хоть глаз коли. Гриф вспоминал, первым он почувствовал Коленьку. Полузомби-получеловек бродил вокруг хаты. Он уже не бормотал. Катушка поправила его состояние: он чуть быстрее понимал простые фразы, взгляд стал осмысленнее, движения точнее.

Что-то тогда забилося у сталкера в груди, глубоко, как при аритмии. И по мере приближения Коленьки толчки усиливались. Особенно пульсировало при появлении старика. Близкое его нахождение становилось неприятным. От усиливающегося сердцебиения казалось, еще немного, и какая-нибудь жилка или венка не выдержит.

Первое время Гриф даже морщился. Федорыч это заметил и после недолгих выяснений определил расстояние в три метра, ближе которого вибрации становились болезненными. И еще тепло. Словно Федорыч был ходячей жаркой. При приближении оно не обжигало, не уменьшалось, не увеличивалось, держалось в «терпимом» диапазоне.

Перематывался Гриф самостоятельно. Где не мог, там помогал Коленька. Со временем Гриф пообвыкся, аритмия трансформировалась в легкую вибрацию.

В дальнейшем сталкер обнаружил такие же ощущения к аномалиям и мутантам, словно внутри него был вшит миниатюрный детектор. Эта мысль не давала ему покоя. Он поинтересовался у Федорыча. Старик усмехнулся и проскрипел:

– Ничего, Гриф, привыкнешь. Это тебе такой подарочек от зоны. Радуйся и пользуй, коли заполучил. Ни я, ни кто-то другой не ответит тебе на этот вопрос. А будешь допытываться, могут и распотрошить: «Что это там у него такое колотится и реагирует? Может, проглотил чего? Нам бы тоже такое».

Сейчас Гриф прислушивался к этой загрудинной пульсации. Даже прикрыл глаза для лучшего восприятия. Что-то там в лесу живое ворочалось, возникало у границы и исчезало. Аномалии не попадались.

Свет фар задел накренившуюся старую осину, из которой на макушке росла молодая ель. Некоторое время Гриф вглядывался в сырую темноту, высматривая где-то там, за изломанными деревьями и кустарником «хату».

Растянутые желтые круги скользили дальше, а «хата» осталась позади в темноте, словно канула в Лету. Гриф знал, что без Федорыча и Коленьки избушка превратится в гору веток, и он никогда больше не пойдет к человеку ли, к существу ли, не важно, к тому, кто когда-то помог, наставил на путь истинный, спас.

От этих мыслей снова заворочалось, заурчало тоскливо какое-то неуютное беспокойство. Казалось, что-то он потерял очень ценное, и нет возможности обрести это снова. Многие Гриф растерял в этой жизни безвозвратно. Сталкер отмахнулся от гнетущих мыслей. Быстро отпускает его, а раньше, до знакомства с Явой, и вовсе не цепляло. Что он с ним сделал? Вроде сопля соплей, салабоном был, им и остался. Мягкотелый, жалостливый, доверчивый. Какие только байки и притчи ни рассказывал сталкер парню, на скольких примерах человеческой алчности, злобы, вранья, подлости, предательства ни воспитывал его, нет, тот не меняется, все думает, они хорошие там, где-то в глубине души. Всех, дурачок, по себе мерит.

«То ли Ява туп, то ли псих, – думал сталкер. – Нельзя после того, как не подвинулись, не дали места у костра, при встрече улыбаться жлобу, пожимать руку, а при случае звать на огонь и делиться».

Гриффу, конечно, плевать на косые взгляды, ухмылочки за спиной, шепотки: «Вона падальщик со своим мопсом шлындает». Он даже не пытался этим закопченным, тупым ромам объяснять, да что им, он себе не мог объяснить, что в этом парне такого, от чего, когда тот рядом, на душе спокойно и уютно, словно очутился в кругу семьи, что зона вокруг Явы изменяется, что солнце, пусть и редкое на этой проклятой земле, светит ярче, что только от осознания того, что он есть, жив-здоров, все арты меркнут.

«Врос он в меня, – подумал Гриф и остановился. – А надо ли мне, сволочи мародерской, душегубу конченому, размягчаться? Зачем мне о душе вспоминать? Зачем мне об этом думать и сомневаться? Зачем мне смятение? Жил ведь. Шесть лет жил не тужил. Надо с ним поговорить, нечего ему здесь делать. Денег дам и пусть валит. Оставит меня в покое. Пусть семью делает, детей растит. Тут ему не место. Зона его либо сломает, либо сожрет. Он не сможет стать таким... таким, как я, не из того он теста слеплен».

Гриф ворочал мыслью, что, впрочем, тоже стало новой привычкой. Раньше ему не приходилось особо напрягаться по этому поводу. Бродил по зоне, искал хабар, отнимал у других, не очень-то задумываясь о материях, жал на спусковой крючок, обменивал добычу на тугрики, пересылал их на счет, напивался, набирал жратвы, боеприпасов, чинился, лечился и снова в рейд. Он с армии знал простую истину и ее придерживался: «Меньше знаешь – лучше спишь», а что тупые на самом деле самые счастливые, понял в зоне. Они даже могут не догадываться, что настоящее счастье их стороной обошло.

Сталкер тяжело вздохнул: «Ох, сгубит нас этот добряк, тудыть его растудить, раззявистого. Ну как, как ему еще втемяшить, что нельзя...» Гриф развернулся, сунул голову в люк, осмотрелся. Пистон крутил баранку, Алексей с автоматом на коленях сидел позади него на скамье десанта. Они, в свою очередь, посмотрели на Грифа.

– Все нормуль? – спросил Гриф у Алексея.

– Нормуль, – отозвался тот.

Гриф подмигнул ему здоровым глазом, еще раз прошелся взглядом по транспортеру, остановился на наемнике, сказал:

– Так держи, не отдаляйся от леса.

– Угу, – буркнул Пистон.

– Если че, – Гриф снова посмотрел на Алексея, – я ря...

Сталкер не успел договорить. Машина резко остановилась, словно врезалась в стену. Гриф больно саданулся левым боком о край крышки люка. Автомат соскользнул с брони и упал бы, не перекинь предусмотрительно сталкер ремень через руку. Алексей топором повалился вперед, выставив перед собой руки. С вытаращенными глазами он вцепился в штангу сиденья. «Гадюка» упала и задрезжала по днищу.

– Бляха-муха, – взвыл Гриф, выпрямляясь. – Пистон, падла, ты нас угробить хочешь?

Пистон один остался на месте непоколебимый, так как его нога жала на тормоз.

– Смотри, – он отпустил руль и пальцем указал в смотровой люк. Через стекло с мокрыми разводами виднелось что-то раскорячившееся прямо по курсу. Сталкер и сам уже почувствовал чье-то присутствие со слабой жизненной силой, как-то размазанно, словно след от сырой тряпки по кафелю.

Гриф обернулся, в круге света увидел черный силуэт. Существо, размерами и формой напоминающее слепого пса, стояло неподвижно, растопырив ноги, низко склонив голову. Мутант был неподвижен, создавалось впечатление, что он оцепенел. Ноги напряжены, выпрямлены, хребет выгнут.

– Дай малый вперед, – Гриф, не моргая, смотрел на пса. БТР зафырчал и медленно покатил по сырой земле, подминая сухостой и выдавливая из-под рифленых покрышек жидкую грязь.

– Стой, – сталкер остановил машину. С минуту все рассматривали мутанта. Тот, мокрый, худющий, стоял к ним боком. Сквозь облезлую шкуру виднелась гребенка ребер. Он не обращал на БТР никакого внимания. Его была мелкая дрожь. От носа и до кончика хвоста трясло, словно тот неимоверно замерз. Задние ноги время от времени подгибались, но тварь с усилием их выпрямляла. Опущенная морда едва не касалась земли. Длинная толстая соломина колола пса и собирала складку на верхней губе, он даже не пытался отвернуться. С длинного вывалившегося языка текли слюни.

– Как же его колбасит, – прошептал Пистон.

– Что? Что там? – Алексей вылез через командирский люк и пытался разобраться в происходящем.

– Зараза какая-то его пожирает, – предположил наемник, – типа... – он задумался, затем продолжил, – типа бешенства.

– Ага, – веско вставил Гриф, – или артроз. В «магнит» он вляпался. Зона из него соки пьет. – А про себя подумал: «Что-то много за последнее время «нежданчиков» повылезало».

Из леса донеслось тьяканье и скулеж. Гриф повернул голову, посмотрел в темноту:

– Братва воеет, а подойти бояться. Чуют, стервы, беду. Этот раззявистый, так ему и надо. Давай, Пистон, забирай вправо, объезжай и прежним курсом.

– Мы что? Так его оставим? Это же... это же издевательство, это же муки какие, – говорил Алексей, задыхаясь, пораженный картиной медленной пытки.

– Иди, в жопу его поцелуй, – осклабился Пистон, усаживаясь на сиденье и берясь за рычаги, – может, ему полегчает.

– Гриф? – Алексей умоляюще посмотрел на сталкера.

– Если такой жалостливый, возьми да пристрели, – пробурчал сталкер, не глядя на парня. Желваки заходили на его скулах. Алексей несколько секунд смотрел на выточенный профиль с подбитым глазом, а когда БТР тронулся, забирая вправо, засуетился. Присел, крикнул Пистону, чтобы тот остановился. Но наемник даже не взглянул на него. Энергично крутил баранку и поджимал педаль акселератора.

Алексей высунулся из люка:

– Скажи ему, – отчаянно посмотрел на Грифа.

Сталкер еще некоторое время не реагировал, только желваками играл, а когда БТР уже проехал мимо подышающего пса, крикнул:

– Остановись, Пистон! Пусть пульнет, – Гриф с укором посмотрел на Алексея. Тот этого не заметил. Он уже прилаживал приклад к плечу и ставил локоть на броню. Транспортер замер. Алексей прицелился, нажал на спусковой крючок. Одного выстрела хватило, чтобы прекратить страдания твари. С пробитой головой слепой пес рухнул как подкошенный.

В лесу погавкали еще немного и смолкли. БТР не спеша катил вдоль опушки, урчал дизель, капал дождь, желтый свет фар раздвигал темноту, которая сразу же смыкалась за машиной. Гриф водил взглядом по сторонам, прислушивался. Он злился на Яву и ломал голову, как

закалить его. Как выковырять из него эту распроклятую мягкотелость, жалость дурацкую. И жаль было Яву, что уродился таким дефективным, что все близко к сердцу принимает, и тут же злился на него, что не старается загубить, а потом и вовсе пришел к мысли: надо ли из него стряпать хладнокровного ублюдка, как он сам. И снова сомневался, – как Ява собрался выживать? Случись с ним – Грифом, какая беда, что он сможет? Сколько протянет? Запутавшись вконец, плюнул на все эти экзерсисы и стал смотреть по сторонам, тыкать в темноту взглядом, словно щупом.

В предрассветных сумерках зона выглядит особенно скверно. Иной раз, кажется, лучше бы день не наступал вовсе. Дождь прекратился, хляби грузно, словно обрюхаченные, висли над землей. Ползли по небу тяжело, низко, того и гляди заденут заусенистые макушки елей. Жухлое поле, мозглявый лес поблескивали неуютной холодной сыростью. Грязные лужи в низинах и ямах затянулись небесным хмурьем. Тишина. Мертвая муторная тишина, только рокот двигателя расползался по округе.

Гриф обернулся, вытянул шею, вглядывался в изрытое поле, стараясь увидеть атомный танк.

«Наверное, проехали по темноте. Или все же махновцы сдернули. Плевать, надо скорее за «адову пахоту» сваливать».

Глава 11. Мины

В блеклой утренней дымке они миновали развалины воинской части. С тяжелыми воспоминаниями Гриф проводил взглядом КУНГ на спущенных колесах, с грязными окнами, здание штаба с вывалившейся, словно язык у дохлой коровы, дверью, развалины казармы, караулку с решетками на окнах. От этих видов у него зазудело под правой ключицей, там, где бугрился шрам, возникший вследствие выселения наглых квартирантов. Сталкер удержался, чтобы не почесаться.

Еще через полчаса справа медленно проплыли два ЗИЛа с антенной-лопухом. Затем БТР прополз по полю, оставляя мелкую речушку слева, и наконец въехал на «адову пахоту». Здесь Грифу пришлось, закинуть винтовку за спину и обеими руками вцепиться в поручень. На рытвинах и ямах транспортер вздымало и бросало, как на волнах во время шторма. Искромсанная глубокими рвами долина цеплялась за колеса, за днище. Горизонт ходил ходуном. Пару раз Пистону приходилось сдавать задним ходом, чтобы объехать глубокие то ли ямы, то ли воронки с крутыми склонами. Но все время машина неизменно двигалась к «мертвому лесу».

Вот и холм. Гриф долго смотрел на него, голова поворачивалась по мере продвижения бэтэра. Вспомнил, как тянул Яву, как от напряжения у него едва не оторвались пальцы, а в хребтине что-то хрустнуло. Тогда, от пронзившей боли, он едва не разжал пальцы. Гриф отпустил поручень, поднес правую руку к глазам. Она тряслась мелкой дрожью. Сталкеру захотелось закурить. Он полез в карман, но в этот момент так тряхануло, что он едва не слетел с брони. В испуге обеими руками вцепился в поручень и больше его не отпускал, пока не дотянули до леса. До того самого леса с черными разлапистыми жердинами, наперекосяк торчащими из жухлой перины опавших листьев.

Глаз сразу выцепил парные «стволы», как бы естественно разросшиеся в стороны. В голове прозвучал костяной щелчок, похожий на тот, который получается при столкновении горных козлов.

Взгляд заскользил между стволов, высматривая главный недостающий элемент этой жуткой картины. По крайней мере той, которая запечатлелась в его памяти. Но как сталкер ни напрягал зрение, тумана он нигде не видел. Лес стоял перед ним безжизненными корягами.

БТР остановился. Гриф продолжал тралить взглядом печально известное место и вспоминать. Прожитые мгновения возникли в памяти с поразительной отчетливостью. Будто только вчера он с Явой убежал по шуршащей сухой листве, а за ними по пятам гнался неумолимый хищник.

– Эй, сталкер, – послышалось слева и снизу. Гриф встрепенулся и опустил взгляд в открытый люк. На него из недр транспортера смотрел Пистон, – куда дальше?

Гриф поднял голову, осмотрелся, затем забрался в машину. Встретился взглядом с Алексеем: – Ява, надо дыры, бойницы, лючки там всякие задраить, – повернулся к наемнику: – Пистон, постарайся вспомнить, как включить фильтрующую установку. Поверь, сейчас это жизненно важно.

– На зараженку поедем? – спросил Пистон и нервно сглотнул. Гриф несколько секунд разглядывал его напряженное лицо, затем сказал:

– Типа того. Надо нам тут закупориться, чтобы снаружи никакая зараза не просочилась.

Наемник полез из кресла. Пригибаясь и перехватываясь за поручни, проследовал в корму. Алексей заранее отступил, пропуская наемника и придерживая автомат у бока. Пистон соскочил на него, хмыкнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.